

*“Русская армия и воинский подвиг -
культурное достояние народа”*

Вторые “Балашевские чтения”

Генерал - адъютант А. Д. Балашев

« Вторые Балашевские чтения »

30. 06.2013

**При храме Покрова Пресвятой Богородицы в посёлке
Шапки
Тосненского района
Ленинградской области**

Названы в честь государственного и военного деятеля первой половины XIX века, участника Отечественной войны 1812 года, владельца имения «Шапки» государственного и военного деятеля Александра Дмитриевича Балашова (Балашева).

В названии «Балашевских чтений» фамилия Балашевъ сохранена в том виде, как её писали современники Александра Дмитриевича Балашева.

Портрет А.Д.Балашова кисти художника Д. Доу.
1819-1822 годы
Подпись на раме: А.Д.Балашевъ, Генераль
Лейтенантъ
Слева ниже плеча, подпись: G.Dawe pinxt ad vivum.

Вторые «Балашевские чтения»

Открытие «Балашевских чтений»

Балашевские чтения предваряла небольшая выставка краеведческих материалов.

На ней, в качестве основных экспонатов, были представлены портреты владельцев имения Шапки: духовного отца императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II протоиерея Федора Яковлевича Дубянского и государственного и военного деятеля эпохи императора Александра I Александра Дмитриевича Балашова. Оба портрета были выполнены по заказу настоятеля храма Покрова Пресвятой Богородицы в поселке Шапки протоиерея Вадима Онопченко художницей Александрой Бобыльковой. Выставка была подготовлена заведующей Шапкинской сельской библиотекой О.Н.Малюшкиной

Биографические сведения о Ф.Я. Дубянском и А.Д.Балашове были размещены при входе в храм на стенах звонницы.

История шапкинских храмов была представлена фотографиями разных лет и акварельным рисунком старого храма на бывшей Покровской площади Н.А.Киселевой. На выставке была представлена краеведческая литература, материалы первых Балашевских чтений и археологических изысканий на месте старого храма Покрова Пресвятой Богородицы. Были представлены отдельные предметы, обнаруженные на месте раскопок.

О давно прошедших годах многое могла бы поведать старая липа, посаженная у старого храма при А.Д. Балашове. В 2011 году старое дерево не

выдержало натиска ураганных августовских ветров и упало на поклонный крест, установленный на бывшей Покровской площади. Срез липы сохранил и выжег на нем памятную надпись председатель Шапкинского совета ветеранов Н.В. Федоров.

**Чтения начались с панихиды по землякам
воинам Отечественной войны 1812 года.**

Панихиду совершил Благочинный Тосненского округа протоиерей Николай Аксёнов. Он же напутствовал участников и слушателей чтений:

«Не случайно Балашевские чтения начинаются в неделю Всех святых и мы вспоминаем людей благочестивых и боголюбивых, которые защищали наше Отечество, которые строили храмы, которые стремились к небесному Отечеству, но не забывали и свою земную Родину, обустроивая её. И сегодня мы имеем надежду, что они являются нашими предстателями перед Господом Богом. И для них сегодня тоже большая радость, что мы их помним, мы их чтим. Мы должны стараться подражать этой их любви к нашей малой Родине, стремясь к небесной Родине. Упокой Господи души раб твоих протоиерея Феодора, Александра и всех тех, которых мы сегодня поминали. Царствие им небесное».

**Открыл чтения ведущий вторых
Балашевских чтений старший научный сотрудник
Энциклопедического отдела института
филологических исследований СПбГУ, докторант,
кандидат исторических наук Александров Кирилл
Михайлович. Он произнёс вступительное слово и
объявил тему чтений.**

**Досточтимые отцы, дорогие братья и сестры!
Уважаемые коллеги!**

Для меня большая честь второй раз уже открывать и вести Балашевские чтения, посвящённые памяти героя первой Отечественной войны 1812 года Александра Дмитриевича Балашева. Конечно, хотелось надеяться на то, что это событие перерастёт и, быть может, уже переросло рамки исключительно шапкинского мероприятия. Наши чтения промыслительно называются «Русская армия и воинский подвиг – достояние национальной культуры». Как раз сами Балашевские чтения станут проявлением такого вклада и в петербургскую культуру, и культуру Ленинградской области, бывшей нашей Санкт-Петербургской губернии. Потому что, это всё живое слово, живая мысль, живой дух, который, как мы надеемся, дышит здесь в стенах этого замечательного храма, преображаемого трудами отца Вадима Онопченко.

И очень значимо, то, что сегодня русское духовенство является, помимо своего церковного служения, инициатором культурных мероприятий. Тем более, что история для каждого христианина и мирянина, в том числе, остается основной наукой, одной из самых важных дисциплин. Мы черпаем в ней не только опыт и знания, которые позволяют нам избежать ошибок, допущенных когда-то нашими предками. Речь идёт не только об этом. Живая ткань, живая нить здесь на земле соединяет нас живущих с прошлым. И позволяет нам надеяться, что мы в вечности встретим людей, о которых уже будем иметь знания. И, которыми мы, так или иначе, будем узнаны и, которые нами будут узнаны.

Наши чтения проходят в непосредственной близости ещё от одной знаменательной даты. Вы знаете, что приближается 100-летие со дня начала

второй Отечественной войны, Великой войны, как её называли современники, или Первой мировой войны, как её называют историки. Столетие этой войны будет отмечаться в 2014 году. И в этой связи я не могу не вспомнить одного из ярких представителей русских мыслителей, поручика лёгкой полевой артиллерии, участвовавшего в Первой мировой войне, будучи доктором философии, Фёдора Августовича Степуна.

Его судьба оказалась трагична, как и судьба очень многих представителей русской национальной мысли, которые были изгнаны большевикам за пределы России. Вторую часть своей жизни и до самой смерти он преподавал в Мюнхенском университете философию, но при этом постоянно обращался к русской военной и культурной традиции. У него есть воспоминания, наверное, одна из лучших мемуарных книг, написанных в XX веке «Бывшее и не сбывшееся». Это не только воспоминания Степуна о собственной судьбе, но размышления о русской культуре, о роли Церкви в этой культуре, о позиции христианина-мирянина в переломную эпоху, на рубеже веков. Не будучи профессиональным военным, он был прапорщиком запаса, призванным в армию с началом Первой мировой войны в полевую артиллерию. Итак, Фёдор Августович писал о том, что «военные старой русской армии, может быть, были не самые лучшие люди, но это были самые лучшие люди, которых мне довелось встречать в своей жизни». Мне бы хотелось поставить эти искренние слова эпиграфом к нашим вторым чтениям, которые, ещё раз подчеркиваю, называются «Русская армия и воинский подвиг - достояние национальной культуры».

Любое сражение, баталия перерастает рамки военной экспедиции и военного действия, с течением времени оно становится частью культурного

достояния нации. И это очень важно, поэтому мы будем сегодня, говоря о воинских чинах, о генералах и офицерах, о воинских событиях, помнить о том, что все эти люди стали, по большому счёту, творцами определённой культурной традиции, а старая русская армия была носителем этой традиции. В первую очередь это касается генералитета и офицерского корпуса. Русский генерал и офицер не всегда, но очень часто имел кругозор и взгляд на мир, который оказывался гораздо более широким, нежели, чем требовали его профессиональные обязанности. Посмотрите, например, какой вклад оставили военные в русской литературе XIX - начале XX веков: Л. Н. Толстой, П. Н. Краснов, А. И. Деникин, А. И. Куприн – офицеры русской армии.

С приветственным словом к участникам и слушателям чтений обратился глава Шапкинского сельского поселения Василий Иванович Соколов.*

Уважаемые жители Шапок!
Уважаемые гости!

Приятно присутствовать при таком торжественном событии, сегодня проходят уже вторые Балашевские чтения. Конечно, как уже сказал ведущий, историю нельзя забывать и нельзя забывать людей, которые эту историю делают. Я хочу ещё раз поблагодарить всех, кто принимал в восстановление этого храма, в первую очередь, бывшего депутата Законодательного собрания и директора совхоза «Восточный» Валерия Васильевича Сазонова. Традиция продолжалась, эти полномочия перешли к депутату Законодательного собрания ЛО Юрии Васильевичу Соколову. Это

святое дело, главное, чтобы оно не заглохло, продвигалось и улучшалось.

Также я хотел отметить нашего краеведа Киселёву Татьяну Федоровну, без которой мы вообще бы не знали истории Шапок. Шапки это настолько интересное место, с многовековой богатейшей историей. Также хотелось бы отметить роль заведующей Шапкинской библиотеки Ольги Николаевны Малюшкиной, которая принимала непосредственное участие во всех мероприятиях по подготовке Балашевских чтений. Поблагодарить всех специалистов из Санкт-Петербурга, которые нашли возможность приехать в наши Шапки. Как я понимаю, это только первый шаг к открытию страниц нашей многовековой истории, которую мы бы хотели знать, и как русские люди гордится ею.

И хочу пожелать нам всем, чтобы это так и продолжалось и в будущем.

* Текст воспроизведён на основе аудиозаписи.

Выступления участников вторых «Балашевских чтений»

Ю.В.Соколов

Археологические изыскания на месте захоронения генерала А.Д.Балашева под старым храмом Покрова Пресвятой Богородицы в Шапках*

Надо отдать должное отцу Вадиму, он инициировал вместе с краеведами и первые Балашевские чтения. И сегодня мы находимся на вторых Балашевских чтениях. Когда первые чтения состоялись на Лыжной базе, высказывались предложения, чтобы традиция чтений продолжилась. Стремление должно быть к тому, чтобы увековечить память тех, кто создавал историю.

Елизавета Петровна подарила Ф.Я. Дубянскому земли и пошла история имения «Шапки». Дубянский духовник и Елизаветы Петровны и Екатерины II и это тоже символично. Сын протоиерея Дубянского Яков построил храм Покрова Пресвятой Богородицы. Было это, казалось бы совсем не давно, всего лишь 1786 год. Судьба у этого храма была не простая, построили, капитально отремонтировали в 1847 году, затем пожар 1911 года и опять восстановление в 1917 году.

В тоже время, но как могли в 1960 году на месте, где находились захоронения в подвальной части храма, таких знаменитых людей как А.Я.Дубянского, А.Д.Балашова, Марковых, решится на строительство магазина. Я пришел в Тосненский район в 1968 году и возглавил, где-то в 1969 году, Общество охраны

памятников истории и культуры. И удалось тогда, были энтузиасты, предотвратить разрушение многих памятников, в том числе предотвратить взрыв церкви Петра и Павла в Любани.

В Шапках произошло так, приближалось 200-летие Отечественной войны 1812 года и многие стали говорить и думать о том, как найти средства, чтобы можно было определить контуры старого храма Покрова Пресвятой Богородицы и окончательно понять, что именно на этом месте, месте захоронения, поставили магазин. Надо отдать должное администрации Тосненского района, которая не осталась в стороне и выделила деньги.

Нашлись люди, которые взялись за это дело археологи Григорьев Николай Дмитриевич и его супруга. Не сразу всё получалось, но всё же в октябре 2012 года приступили, ни к археологическим раскопкам, а к тому, чтобы найти контуры церкви и обозначить их с привязкой к месту расположения существующего магазина. Были прокопаны три траншеи, доработка велась вручную. Надо ещё раз подчеркнуть, что краеведы Т.Ф.Киселева и заведующая Шапкинской библиотекой О.Н.Малюшкина привлекли старожила С.П.Суворова, который помог примерно определить место, где находился старый храм, с тем, чтобы не тратить напрасно время. Второй участок вскрытия попал как раз на фундамент храма, попали на простенок на забутовку фундамента церкви. Вскрыли фундамент магазина убедились, что фундамент магазина не затрагивает захоронения. Они всего лишь на 80 сантиметров ниже от поверхности земли. Смогли понять как расположены контуры фундамента церкви.

Как и следовало ожидать, встретили обломки свода. Арматура подтвердила это - кованая арматура

около 20 мм. Обнаружили фрагменты ворот церковной ограды. Обнаружили забор церковного здания. Обнаружили кирпичи, причём, трёх видов. Как предполагают те, кто вёл раскопки вместе с краеведами, что эти три вида кирпичей принадлежат трём этапам строительства и реконструкции церкви. Первые - периода строительства в 1786 году, предположительно, кирпичи были взяты с места закрытого женского монастыря. Вторые – капитального ремонта 1847 года и третьи – для ремонта храма после пожара 1911 года.

А дальше, дальше всё будет зависеть от нас, какое решение примем. Моё мнение, что надо дальше вести переговоры с владельцем магазина, с Райпо, выкупать этот магазин. Раскопать полностью контуры фундамента, восстановить его и дальше принять решение. У отца Николая есть большой опыт: на месте фундамента церкви в Ульяновке появилась часовня. Здесь решение должны принять сообща. Но то, что магазин надо убирать, и то, что надо раскопать полностью контуры фундамента и докопаться до склепов, где находятся захоронения, у меня сомнений нет. Мы должны отдать должное тем, кто там захоронен, тем, кто внёс свой огромный вклад в развитие истории государства Российского.

Вторая тема, которая мною поднималась ещё на первых Балашевских чтениях, найти возможность увековечить память Александр Дмитриевича Балашова, здесь, где была усадьба и поставить ему какой-то памятный знак. Хотели поставить стелу, но обычная стела как-то не годится. Хотели поставить бюст - этот вариант тоже отвергли. Будем смотреть дальше, будем искать средства. Первые деньги есть. С исполнителями все никак не встретиться с тем, чтобы окончательно оговорить вариант памятника.

* Текст воспроизведён на основе аудиозаписи.

П.Г.Рогозный

Пожар Москвы в 1812 году в свете политической конъюнктуры

Жарким летом 2010 года, когда пожары бушевали по всей стране, а столицу заносило едким дымом, мэр Москвы Юрий Лужков заявил что нужно, наконец, выяснить, кто же варварски сжег Москву в далеком 1812 году. Он предлагал даже создать специальную комиссию для «окончательного решения» вопроса. Как представлял себе Лужков деятельность этой комиссии – неясно, Возможно, по логике, она бы должна была заняться сбором информации о пожаре, допросом очевидцев как с одной так, и с другой стороны. Думаю, учитывая энергию Юрия Михайловича, а также деятельность соответствующий органов, очевидцы бы нашлись.

У современников пожара были свои версии, но для современного историка вопрос представляется окончательно решенным. Однако, как говорил лидер советской исторической науки Михаил Покровский, «история – это политика, опрокинутая в прошлое», и споры о пожаре Москвы лишь подтверждают этот тезис¹.

Теперь вернёмся к фактам: Москву сожгли по распоряжению тогдашнего губернатора первопрестольной Федора Ростопчина. Об этом говорят документы и сама логика событий. Им был разработан целый план, в котором было определено, что и когда нужно зажигать. Более того, из города был вывезен весь противопожарный инвентарь. Вывезли его в то время, когда французам достались

колоссальные ценности, которые не смогли эвакуировать. В городе осталось около 10 тысяч раненных на Бородинском поле, все они сгорели. В последний момент, да и то не по распоряжению властей, а благодаря подвижнической деятельности его директора Малиновского, был спасен Госархив (Архив Коллегии иностранных дел). Главнокомандующий русской армией Кутузов приказал уничтожить только так называемые «военные объекты», то есть склады оружия и боеприпасов, что, в общем, было вполне естественно.

Французы пытались потушить пожар, потому что для них это был вопрос жизни и смерти. Так, например, солдаты императорской гвардии отстояли Кремль. Когда Наполеон его покидал, спасаясь от пожара, уже начали загораться деревянные кровли башен. Французский император, покидая Москву, спасся чудом, едва не запутавшись в стене огня; когда солдаты-мародеры, грабившие еще не сгоревшие дома, показали его свите выход из лабиринта московских улиц.

Вообще, пожар Москвы был похож апокалиптическое действо: те, кто его видел, думали, что наступил конец света. Уже на острове св. Елены Наполеон писал, «что это был самый грандиозный и величественный, и самый ужасный спектакль, который я видел за всю жизнь». Виной тому был и ураганный ветер, который распространял пожар. Зарево пожара было видно на десятки и сотни верст. Естественно, что такой пожар быстро потушить было бы невозможно даже при современных средствах пожаротушения. Его остановил сильнейший дождь, обрушившийся на Москву после нескольких дней пожара!

Когда наполеоновская армия входила в Москву, то ее солдаты думали увидеть азиатскую столицу, а перед их взором предстал громадный европейский город, который по своей красоте, богатству и чистоте, как это ни удивительно слышать, превосходил все, что они видели до той поры. В дневниках, письмах, воспоминаниях воинов Великой армии звучит постоянное сравнение с Парижем, причем всегда в пользу Москвы.

Когда начались пожары, Наполеон был удивлен и взбешен. «Чтобы причинить мне временное зло, они уничтожает созидание веков». Император догадывался, что город сжигают по распоряжению сверху. Поджигателей – реальных или мнимых – ловили и судили.

Кутузов, конечно, не мог одобрить план Ростопчина; вообще, они были врагами: последний писал на него доносы императору и считал, что Кутузов его обманул, поздно сказав о сдаче столицы и тем самым не позволив в полной мере реализовать ему свой план – город сгорел все-таки не весь. Крупнейший отечественный знаток эпохи 1812 года, ныне уже покойный историк Андрей Тартаковский даже назвал Ростопчина «обманутым Геростратом» 2.

Документы о том, что именно Ростопчин приказал сжечь город, были опубликованы еще до революции. И, таким образом, вопрос о том, кто это сделал, уже тогда был в принципе решен³. Уже в советское время в своей замечательной книге 1938 года академик Е.В.Тарле цитировал донесения московских приставов о приказе губернатора сжечь Москву, хотя о том, что это был акт патриотизма, ничего не писал 4.

С началом Великой Отечественной войны этот приказ Ростопчина стал актуальным. Отступая, Красная армия использовала тактику «выжженной земли». Сталин приказывал уничтожать все имущество и все строения, и потому сожжение Москвы было объявлено «великим актом патриотизма русского народа». О Ростопчине, правда, тогда и не вспоминали, но проводили прямые параллели с 1812 годом, когда такая тактика называлась «скифской войной».

Однако, конечно, никаких исторических параллелей с 1941 годом провести нельзя. В 1941 году была паника: часть войск просто бежала или сдавалась в плен, а те, что не сдавались, попадали в так называемые «котлы», которые немцы методически уничтожали. Барклай де Толли в 1812 году не позволил Наполеону такой роскоши – он отступал четко и грамотно.

Впоследствии один из французских офицеров вспоминал, что армия Барклая за время отступления не оставила французам ни одной даже разбитой повозки. Конечно, отступая, армия уничтожала то, что было невозможно вывезти, но города, конечно же, не сжигала.

Так же грамотно отступала и армия Багратиона. Один раз под Минском его маленькая армия чуть не попала в «котел», однако благодаря нерасторопности французского командования (сам Наполеон не мог за всем уследить) Багратион смог вырваться. «Дураки меня выпустили», – писал он 5.

Важен вопрос национальности Барклая де Толли: его называли немцем, «колбасником», однако он сам считал себя «почти русским», а крупнейший

военный теоретик Клаузевиц, служивший тогда в его штабе, писал, что в нем «не было ничего иностранного, кроме его фамилии»6. Его отступление – это хорошо продуманный план. Баркляя обвиняли в измене, особенно неистовствовал брат царя великий князь Константин, который в присутствии свидетелей ругал полководца грязными словами. У Баркляя хватило силы удалить зарвавшегося цесаревича из армии 7. «Я своими ушами слышу брань... – говорил Барклай своему адъютанту Сеслаину, – я смотрю на пользу Отечества, потомство смотрит на меня!» 8. В 1941 году Баркляя не хватало, об этом с горечью писал впоследствии маршал Рокоссовский.

После победы в Великой Отечественной войне мнение о пожаре поменялось на прямо противоположное. Страна была разорена, сожжена и разграблена. Виновниками этого были объявлены немецко-фашистские орды, что, конечно, верно; на послевоенную Германию была наложена огромная контрибуция. Но кто же жег города и села, учитывая план «выжженной земли», в 1941 году? Сейчас есть надежные свидетельства, что некоторые дворцы в пригородах Ленинграда сгорели до прихода немцев. Естественно, что тогда говорить о том, что это сделали «русские», было опасно. И ситуация с пожаром Москвы в 1812 году поменялась. Теперь объявили, что ее сожгли французы. Однако это произошло не сразу после войны: еще 1950 году И.Н. Полосин писал, что сожжение Москвы якобы входило в план контрнаступления Кутузова 9. И вдруг дискурс резко поменялся. Конъюнктурные историки, ссылаясь на «французские документы», доказывали, что сам Наполеон отдал приказ сжечь город.

Приходилось и каяться в собственных ошибках. Так, военный историк П.А. Жилин, честно писал, что

его утверждение о пожаре Москвы как об «акте героического народного патриотизма» было не верным, так как «он подходил к освящению этого вопроса односторонне» 10. А известный ленинградский историк С.Б. Окунь писал, что «систематическое уничтожение города было делом рук французской военщины» 11. Даже в юбилейном 1962 году автор наиболее крупной советской монографии об Отечественной войне 1812 года Л.Г. Бескровный писал, что Москву сожгли французы 12.

В 1966 году историк Владимир Холодковский в центральном историческом журнале «Вопросы истории» опубликовал статью, в которой наглядно показал, как фальсифицировались эти «французские документы», и как фальсифицировалась версия о французах-поджигателях 13. Холодковский поступил просто и точно – так, как и подобает поступать профессионалу: свидетельства французов, в том числе и самого Наполеона, о том, как «они сжигали Москву», он с подлинника просто заново перевел на русский язык. Естественно, что перевод оказался по смыслу прямо противоположным цитатам из советских книг.

Сам Холодковский не был специалистом по войне 1812 года и занимался историей Финляндии, но хорошо знал иностранные языки и был хорошим источниковедом. Я до сих пор рекомендую эту статью своим студентам как пример грамотного источниковедческого исследования и аргументированной полемики. Говоря о вывозе «огнеспасительного снаряда» из Москвы, Холодковский делает комментарий, с железной логикой которого трудно спорить: «Лишить город средств защиты от огня – значит уже готовить его к сожжению». Тем более, что те шланги и насосы,

которые не смогли вывезти из Москвы, попросту испортили.

В следующем, 1967 году вышла книга уже упоминаемого выше А.Г. Тартаковского, основанная на его кандидатской диссертации, в которой он убедительно доказал, что так называемый разговор («переговор») о пожаре Москвы между Кутузовым и посланником Наполеона Лористонем, во время которого Кутузов обвинил французов в сожжении Москвы, является фальсификацией, хотя фальсификацией именно того времени. Этот «переговор» цитировали многие, в том числе и советские историки. Дело в том, что в походных листках «официальных известий» штаба Кутузова изложена совсем другая версия разговора о пожаре: там Кутузов прямо указывает Лористону на то, что ему известно, что Москву сожгли русские. А эти «известия» главный первоисточник. Уже после этого тема пожара Москвы могла быть закрыта, хотя в то время осторожный А.Г. Тартаковский только подтверждает факт фальсификации, замечая, что вопрос о пожаре Москвы – это «уже совсем иная плоскость исторического исследования» 14.

Работы Холодковского и Тартаковского вышли одновременно, и авторы видимо не могли читать друг друга. Впоследствии Тартаковский продолжит, занимается 1812 годом и пожаром Москвы, а статья Холодковского так и останется единственной в его творческой биографии работе посвященной 1812 году.

Возвращаясь к пожару Москвы, можно задастся вопросом, был ли это действительно акт патриотизма? Я думаю вряд ли. Конечно, какой-то торговец уничтоживший свою продуктовую лавку, чтобы она не досталась неприятелю, патриотом

считать себя мог, но только не генерал–губернатор, отдавший преступный приказ.

Ростопчин был демагог, который использовал псевдопатриотическую риторику, от которой тошнило его современников и даже царя Александра. Так, он пытался разговаривать с народом на его языке, выпуская так называемые афишки, которые расклеивались по московским улицам. «Народный язык» этих афишек уже тогда вызывал насмешки. Стал покровительствовать и отпускать заоблачные суммы механику-авантюристу Леппиху, который обещал построить громадный воздушный шар («еростат») с гондолой, вмещающей роту солдат с порохowymi зарядами, для уничтожения Наполеона. Ростопчину удалось мистифицировать даже скептического Кутузова, который накануне Бородинского сражения запрашивал губернатора о возможности использования воздушной машины в сражении¹⁵.

Впоследствии Ростопчин, как «истинный патриот», уехал в так нелюбимую им Францию и там писал свои мемуары, постоянно меняя свое мнение о пожаре Москвы¹⁶.

Пожар Москвы – это культурная катастрофа, последствия которой как это ни громко звучит, мы испытываем до сих пор: ведь погибли реликвии, архивы, библиотеки, которых уже никто восстановит.

И самое важное: сожжение Москвы в стратегическом отношении было бессмысленно. Наполеон и без того проиграл войну, причем окончательно и бесповоротно, после Бородинского сражения, поскольку тогда ему не удалось разбить русскую армию, а значит, поражение было лишь делом

времени. Конечно, пожар ускорил агонию Великой армии, но слишком большой ценой.

Каждый раз тема пожара Москвы всплывала в свете какой-либо политической конъюнктуры, довольно объяснимой. Последний раз ее поднял бывший мэр Москвы Лужков, о чем я говорил выше, незадолго до своей отставки, но вот зачем он воскресил эту тему, мне непонятно.

Понятно другое: Москву сожгли не французы, но этим не снимается с них вина с французов – те вели себя в захваченном городе с истинным вандализмом. Грабили все, что возможно, – от гробниц князей и царей в Кремле до лавки старьевщика. Причем этот грабёж был узаконен самим Наполеоном. Захватчикам досталось столько золота, что золотые древнерусские оклады с икон переливали в слитки. В течение трех недель Великая армия полностью разложилась и перепилась в самом прямом смысле слова. Солдаты-гвардейцы справляли нужду по всей территории Кремля, даже под окнами императора, несмотря на многочисленные запреты командования, – этот факт не легенда, он отражен в французских документах.

Наполеон при уходе из русской столицы отдал приказ взорвать Кремль и «многоглавую мечеть» (храм Василия Блаженного), по-видимому, считая его главным религиозным сооружением первопрестольной. Современный историк Владимир Земцов, автор наиболее серьезной книги о пожаре Москвы, справедливо замечает, что, обвиняя русских в варварстве, сама армия Наполеона превратилось в орду самых разнузданных варваров¹⁷. От себя замечу, что трудно себе представить, чтобы так могла вести себя русская армия в Париже в 1814 году!

Последствия пожара были ликвидированы окончательно только через 20 лет. Надо отдать должное русскому императору: почти все расходы, в том числе и рядовых собственников (а это была колоссальная сумма!), государство взяло на себя.

Можно ли было тогда, 1812 году, отстоять Москву, как ее отстояли в 1941? Думаю, что нет. Выхода у Кутузова не было. Наполеон был сильнее, победить его и отстоять город было невозможно. Кутузов и Бородинское сражение дал лишь потому, что сдать Москву без боя было нельзя, хотя в чисто военном отношении битва не имела смысла. Это было жертвой общественному мнению, и Кутузов тут был бессилён, хотя, конечно, смотрел гораздо дальше своего окружения.

Когда Сталин написал, что «Кутузов был на две головы выше Барклая», Кутузова стали превозносить как самого великого полководца и в пантеоне полководцев он обошел даже Суворова. Потом ситуация изменилась, и сейчас даже в среде серьезных исследователей, например таких, как саратовский историк Николай Троицкий, появляются совершенно незаслуженные инсинуации в адрес Михаила Илларионовича¹⁸.

В год 200-летнего юбилея войны в Интернет-сообществе особенно злобствовал по поводу Кутузова некий «академик» (по слухам, не имеющий даже высшего образования) Евгений Понасенков, писавший и раздававший интервью как главный специалист по Отечественной войне.

Это вполне закономерно: каждый миф – а о войне 1812 года он формировался на протяжении долгого времени – сменяет якобы антимиф, который

еще более злобен и агрессивен. И в связи с этим жалко, что комиссия, которую хотел создать Лужков по поводу пожара Москвы, не была создана, Сколько бы нового мы узнали о нашем «непредсказуемом прошлом»!

1 Подробный и содержательный позитивистский разбор русско-французских источников см.: *Земцов М.* Пожар Москвы. М., 2011.

2 *Тартаковский А.Г.* Обманутый Герострат // Родина. 1992. № 6–7.

3 Итог дореволюционной историографии см.: *Мельгунов С.П.* Кто сжег Москву? // Отечественная война 1812 года и русское общество. М., 1912. Т. 4. С 162–171.

4 *Тарле Е.В.* Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1938. С. 162–170.

5 Яркое описание отступления русских армий см.: *Анисимов Е.В.* Багратион: жизнь и война. М., 2009.

6 *Клаузевиц.* 1812 год. М., 1937. С. 77.

7 *Тартаковский А.Г.* Неразгаданный Барклай: Легенды и быль 1812 года. М., 1996. С. 98.

8 *Сеславин А.Н.* Великодушие. Барклай в 1812 году // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 138.

9 *Полосин И.Н.* Кутузов и пожар Москвы // Исторические записки. М., 1950. № 34. С. 122–165.

10 *Жилин П.А.* Контрнаступление русской армии в 1812 году. М., 1953. С. 183.

11 *Окунь С.Б.* Очерки истории СССР. Л., 1956. С. 233.

12 *Бескровный Л.Г.* Отечественная война 1812 года. М., 1962. С. 424–436.

13 *Холодковский В.М.* Наполеон ли сжег Москву? // Вопросы истории. 1966. № 4.

14 *Тартаковский А.Г.* Военная публицистика 1812 года. М. 1967. С. 144–147.

15 Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 59.

16 См.: *Ростопчин Ф.В.* Ох, французы. М., 1992. В этом издании опубликованы как «афишки» Ростопчина, так и его мемуары.

17 *Земцов М.* Пожар Москвы... С.115.

18 *Троицкий Н.А.* Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002.

С.В.Шешунова

**Проблемам войны и воинского подвига в романах
«Война и мир» Л.Н.Толстого и «Красное колесо»
А.И.Солженицына**

В 1937 году Солженицын написал первые главы своего гигантского повествования «Красное колесо»¹, работу над которым он остановил в 1990 году, завершив книгу конспектом ненаписанных томов. И хотя за десятилетия работы многие исторические и религиозные взгляды изменились на противоположные, те первые, юношеские главы вошли в окончательный текст почти без изменений. Начиная эпопею студент Ростовского университета был заворожен историей Первой мировой войны, её героями, которые были после революции, выражаясь словами В.П. Астафьева, «прокляты и забыты». А в начале 1945 года капитан Красной армии Солженицын был поражен тем, что его воинская часть идёт точно по следам его персонажей, повторяя путь армии генерала А.В. Самсонова. Свои переживания по этому поводу Солженицын через несколько лет описал в поэме «Дороженька».² И там вспоминал, как рождались первые главы «Красного колеса»:

*В храмном сумраке читален
Не делясь, юнец, ни с кем.
Я склонялся над листами
Пожелтевших карт и схем.
И кружочки, точки стрелки
Оживали предо мной
То болотной перестрелкой,
То сумятицей ночной.*

История подвига и гибели армии генерала Самсонова посвящена основная часть глав романа «Август Четырнадцатого» - первого романа из четырёх, составляющих «Красное колесо». Справедливо замечено, что этот роман был написан в явной полемике с «Войной и миром». ³ В обоих произведениях тема войны оборачивается огромным многообразием персонажей, судеб и военных эпизодов. Причём Солженицын стремится побольше рассказать о конкретных судьбах и подвигах реальных исторических лиц – именно потому, что советский массовый читатель лишён иной возможности о них узнать. Писатель словно стремится создать словесный памятник забытым героям Великой войны.

Лев Николаевич, как мы помним, проводит в своей эпопее мысль о том, что история идёт по непреложным законам, не зависящим от воли отдельных людей. И самое мудрое, что может сделать полководец во время войны – это отдалиться естественному ходу событий и не мешать им; именно так ведёт себя Кутузов. Князь Болконский, когда-то мечтавший лично переломить ход какого-нибудь сражения, ко дню Бородина также пришёл к подобной мудрости. Его командование полком теперь сводится к следующему: *«Делать и приказывать ему нечего было. Всё делалось само собой».*

А Солженицын, в отличие от Толстого, убеждён, что ход исторических, в том числе и военных, событий определяется не безличным « дифференциалом истории», а личной волей, умением и энергией людей - прежде тех, кто облечен ответственностью. Автор «Август Четырнадцатого» иронически использует любимую стилистическую фигуру Л.Н.Толстого – период, вводя его именно как знак иного, толстовского мира. Так, генерал Благовещенский ощущает себя

вторым Кутузовым: «И, как толстовский Кутузов понимал, что никогда не надо производить никаких собственных решительных резких распоряжений; что из сражения, начатого против его воли, ничего не выйдет, кроме путаницы; что военное дело всё равно идёт независимо, так, как должно идти, не совпадая с тем, что придумывают люди; что есть неизбежный ход событий и лучший полководец тот, кто отрекается от участия в этих событиях» (II, 36).

Авторский комментарий к действиям этого генерала тоже принимает форму периода: «А отдыхающий корпус не знал, что всё его благоденствие создаётся умелыми ловкими донесениями корпусного генерала. Упустил Лев Толстой, что при отказе от распоряжений тем пуще должен военачальник писать правильные донесения; что без таких продуманных решительных донесений, умеющих показать тихое стоянье как напряжённый бой, нельзя спасти потрёпанные войска; что без таких донесений полководцу нельзя, как толстовскому же Кутузову, направлять свои силы не на то, чтобы убивать и истреблять людей, а на то, чтобы спасти и жалеть их» (II,37). «Жалея» своих солдат (а прежде всего – оберегая свой покой), Благовещенский обрекает на смерть, напрасно ждавшую помощи, армию Самсонова. Нежелание генерала «убивать и истреблять людей» приводит к гибели намного большего числа тех же людей. Тем самым стилизация «под Толстого» помогает Солженицыну выразить несогласие с классиком, что для одного мудрость, для другого – преступная безответственность.

Автор «Войны и мира» отрицает искусство стратегии, иронизирует над диспозициями и военными

планами, которые всё равно никогда не воплощаются - им Толстой противопоставляет мудрую *«роевую жизнь»* народа, стихийные действия людей, одушевлённых *«скрытой теплотой патриотизма»*.

Солженицын, напротив, увлечённо прослеживает все замыслы своих персонажей-военачальников, неуклонно отмечает степень их профессионального мастерства и страстно сопереживает их успеху – а чаще неуспеху, на который обрекает их высшее руководство. Так, генерал Нечволодов, чётко продумавший операцию по спасению армии, испытывает *«радость ожидаемой, ухватываемой, короткой простой победы»*; *«он не помнил в себе такой радости за недели этой войны, за годы мира»* (II, 42, 44). И это радость не только патриота, нашего возможность послужить Отечеству, но и радость мастера, приступившего к отлично продуманной работе. Однако она тут же убита тупым приказом начальства отступить. Как говорится в эпосе по сходному поводу: *«Такой бой!! такой бой!! - и отдать по-бараньему...»* (I, 280).

Авторы двух эпосей расходятся не только в оценке значения военной стратегии и личных усилий полководцев, но и в осмыслении феномена войны как такового. Толстой, изображая Отечественную войну 1812 г., издевается над военными терминами типа *«отрезать армию»*, атаки называет *«набеганиями и наскакиваниями»*, а знамёна – *«кусками материи на палках»*. В *«Красном колесе»* такое восприятие войны отдано Саше Ленартовичу – молодому юристу социалистических взглядов. Сравним две цитаты из *«Августа Четырнадцатого»*. Генерал Самсонов, которому Солженицын глубоко сопереживает, пишет в своём донесении: *«о славном эпизоде в Черниговском полку: увидя отходящие части, полковой командир Алексеев с развёрнутым*

знаменем повёл в штыки знамённую полуроту. Был вскоре убит. Вокруг знамени возник рукопашный бой, но рука немца не коснулась знамени. Знаменщик был трижды ранен, знамя попало к поручику, которого тоже убили. Ночью черниговцы пробрались на нейтральную полосу, вынесли полотнище, георгиевский крест и раненного знаменщика. Теперь знамя прибито к казачьей пике» Конец цитаты. В другой главе прапорщик Ленартович с возмущением пересказывает тот же эпизод:

- А зачем они попёрли как бараны за нашим полковым, за мракобесом? Развёрнутое знамя!! – и обсюсюкивает весь полк. Нашли за что драться – за тряпку! Потом уже за одну палку. Навалили кучу трупов, это что? Играют нами, как оловянными!» (I,146) .

Конец цитаты. Но это позиция персонажа, открыто презирающего Россию (и уже весной семнадцатого года переходящего на сторону большевиков). Сам же Солженицын в различных главах романа изображает спасение знамён погибающих полков – Дрогобужского (II, 16), Либавского (II,56-57) и Невского – как несомненный подвиг.

И сколь бы несчастно не складывалась война, она притягивает юные сердца, жаждущие подвига. Глядя на молодую сестру милосердия, даже Ленартович признаёт, что «если б не было этой мерзкой войны – не накинули бы девушки такой белизны, не натягивали на лоб, к самым бровям, так строго, чисто, ново» (I.150). Юрий Харитонов, у которого «военная страсть <...> была как бы тайной души», в мечтах рисует «образ <...> славной смерти – под верным знаменем, за правое дело, уже проткнутый несколькими копьями, а всё наступая с

мечом» (IX, 162-163). Для этого мальчика Первая мировая (цитирую) «Вторая Отечественная, огромная и необходимая»; «он даже особенно любил неудачные войны, на них изрядно нужны герои» (IX, 163-164). «Невидимым юношеским светом жертвы» (это цитата из романа) светится образ и его старшего брата, поручика Ярослава Харитонов. В изображении этих двух персонажей «Красного Колеса» есть немало такого, что роднит их с Петей Ростовым.

«...Не надо теоретических оправданий этой пакостной войны!» - восклицает Ленартович, и его собеседник, военный врач Федонин, не находит, что возразить (I, 148). Война действительно противоестественна, противна замыслу Божьему о человеке. Все мы помним, как много об этом говорится в «Войне и мире». Например, приводится такая картина Аустерлицкого сражения: *«На этой узкой плотине теперь между фурами и пушками, под лошадьми и между колёс толпились обезображенные страхом смерти люди, давя друг друга, умирая, шагая через умирающих и убивая друг друга для только, чтобы пройдя несколько шагов, быть точно также убитыми»*. Напомню также картину Бородинского поля после сражения: *«Собрались тучки, и стал накрапывать дождик на убитых, на раненых, на испуганных и на изнурённых, и на сомневающихся людей. Как будто он говорил: «Довольно, довольно, люди. Перестаньте... Опомнитесь. Что вы делаете?»*

Солженицын тоже остро чувствует и передаёт в своём повествовании ужас войны как таковой, волны не должно быть, её следует всеми мерами избегать и так далее (я оставляю за скобками вопрос о том, прав ли Солженицын в своём убеждении, что Россия могла бы не вступать в Первую мировую). Однако в оценке

войны как главного зла мировой истории Солженицын с Толстым не согласен. Напомню, что Андрей Болконский, полковник русской армии, говорит Пьеру Безухову накануне Бородинского боя: *«Война <...> самое гадкое дело в жизни <...>. Цель войны – убийство, орудия войны <...> обман и ложь, называемые военными хитростями; нравы военного сословия – отсутствие свободы, то есть дисциплина, праздность, невежество, жестокость, разврат, пьянство»* (т.3, ч. 2, гл. XXV).

Ответом Солженицына можно считать слова его персонажа, бригадного священника отца Северьяна, который убеждает подпоручика Саню Лаженицына: *« Война - не самый подлый вид зла и не самое злое зло. <...> О палачестве, неправых судах, о всеобщей разрозненности – фольклора нет. А о войне - есть, и какой! Война не только разнит, она находит и общее дружеское единство, - идут же на жертвы»* (III, 66,68; «Октябрь Шестнадцатого»). Что касается филиппики Болконского против военного сословия, то на неё Солженицын возражает всем строем своей эпопеи, утверждая духовное достоинство дисциплины и создавая целую портретную галерею деятельных, образованных и спартански воздержанных офицеров – в том числе тех, которые станут потом вождями Белого движения. Корнилов, Колчак, Кутепов в его изображении обладают самыми высокими душевными качествами.

Образ войны воплощается в «Красном Колесе» с помощью метафор и сравнений. На Ярика Харитоновца она налетела *«вихрем, свежим и страшноватым»*; этот воодушевлённый молодой офицер ощущает себя как *«в тёплом урагане»* (I,42). В начале эпопеи Ирину Томчак тревожит солнечное затмение, совпадающее с началом похода русской

армии в Восточную Пруссию. Героиня рассуждает: «*А вот шёл князь Игорь в поход – солнечное затмение. В Куликовскую битву – затмение. В разгар Северной войны – затмение. Как военное испытание России – так солнечное затмение*» (I,42). Исходя из слов Ирины, солнечное затмение может и гибель армии (как в походе князя Игоря в 1185 г.), и победу (как в Куликовской битве и в Северной войне). Но дальнейшее повествование порождает аллюзии, отсылающие именно к «Слову о полку Игореве». Так в этом древнерусском памятнике уничтожение русской армии отождествляется с молотьбой на току: «*снопы стелют головами, веют душу от тела*». Сходная сцена есть и у Солженицына: вовремя сильного артиллерийского обстрела солдат Благодарёв кричит на ухо Воротынцеву: «*Как – на – току!!*». Автор распространяет это сравнение: «*Как колосья, распластанные на току, так и солдаты в окопах притаились и ждут, что расколотят им тела, каждому – его единственное. Гигантские цепи обходили их ряды и вымолачивали зёрнышки душ для употребления, им неизвестного... <...> Ну что ж, начали и привыкать. Это такая форма жизни: жить под молотьбой*» (I,257-259). Крестьянское восприятие войны как молотьбы предстаёт как выражение основ национального бытия, сохраняемых от столетия к столетию.

Но слишком много развеяно на этом току войны... Один из наиболее близких автору персонажей, полковник Воротынцев к осени 1916 г. видит в Мировой войне уже одну только «*трясину*» (III,148), «*безнадёжное погружение*» (III,147), из которого России нужно как можно скорее выдраться. Гнетущее чувство безысходности в его внутренних монологах передаётся с помощью метафор, повторов, градаций. Вот несколько цитат из ранних глав (но всё

это – размышления полковника Воротынцева): *«И эта виноватая прибитость пехотного офицера, не могущего не подчиниться. И прибитость лежащих пехотинцев, пока предсмертная их тоска не взорвётся в бодрящий отчаянный ужас атаки»* (III, 360). *«И вот этот чуть расширенный, полуосвещённый, безвоздушный гроб санитарной землянки – последнее видение Земли, последний образ жизни!»* (III, 369). *«Это - такая усталость, такая однообразная смерть, такая тоска и обида...»* (III, 369-370). *«Это называется – смертоприношение»* (III, 361). Как незадавшуюся ощущает войну и Государь: *«Ах, лишь бы эта несчастная война хорошо кончилась для России, всё остальное не важно»* (VIII, 279). Первая Мировая война показана у Солженицына как одна из важнейших предпосылок погубившей Россию революции. Смещение войск при наступлении в *«Августе Четырнадцатого»* в глазах писателя подобно *«разряду школьной магнитной катушки»*, в которой *«предвещательно умеет явить себя несравненная небесная гроза»*, и посвященная ему глава кончается пословицей **«ЦАРЬ И НАРОД - ВСЁ В ЗЕМЛЮ ПОЙДЁТ»** (I, 437).

Однако наиболее важен для темы войны сквозной образ эпопеи, давший ей своё название – образ Колеса. Впервые оно возникает в *«Августе Четырнадцатого»*, когда во время боя снаряд зажигает ветряную мельницу.

И почему-то крылья – от струй ли горячего воздуха? – ещё не развалясь, начинают медленно медленно медленно кружиться! Без ветра, что за чудо?

Странным обращением движутся красно-золотистые радиусы из одних рёбер – как катиться по воздуху огненное колесо.

И – разваливается, разваливается на куски, на огненные обломки (I, 260).

Символический смысл эпизода проступает в эпопее не сразу. Но позже это горящее колесо становится символом революции, символом гибели великой страны, закрученной воронкой самоистребления.

Я говорила большей частью о разнице между подходами Толстого и Солженицына, однако, между ними и много общего. Оба писателя не упускают отметить, что русская Императорская армия – это христоролюбивое воинство. В «Войне и мире» показано искреннее благоговение во время молебна перед Казанским образом Божией Матери, предваряющего Бородинское сражение. А в «Красном Колесе» прекрасна и вдохновенна панихида по одному из убитых героев – полковнику Кабанову. Горстка солдат и офицеров, попавшая в окружение, хоронит своего командира в лесу. И так как с ними нет священника, они сами поют панихиду. Прочитую:

- О несужденну предстати у страшного престола Господа славы – Господу помолимся -

Поднесли и Офросимова, поставив лицом к востоку. Он крестился и тоже пел. И Харитонов, теперь увидевший загадочное лицо героя, пел, ощущая слёзы, но слёзы освобождающие:

- Господи поми-лу-уй!

И дальше властно вёл <...> голос, не стесняясь чужбинным лесом:

- О, яко да Господь Бог наш учит душу его в месте светле, в месте злачне, в месте покойне,

идеже вси праведнии пребывают, Господи помо-лим-ся!

Отчасти уже сбывалась молитва: для тела уже вот и было учинено такое светлое покойное место.

Все на восток, только и видели спины друг друга – невидим был лишь последний, не подпевший ни разу. С кривоватой улыбкой сожаления, но всё же голову обнаживший Лёнартович. Зато перед всеми стояла, в поясных поклонах нагибалась и распрямлялась гибкая сильная спина Благодарёва... И привольны, отсердечны были крестные взмахи его сильной длинной руки, готовой и к работе и ночному бою за жизнь:

- Милости Божия! Царства Небесного! И оставления грехов испросивши тому и сами себе, друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим!

И – выше солнца, выше неба, прямо к престолу Всевышнего четырнадцать грудей мужских напевом проверенным, голосом слитным, восслали уже не просьбу свою, но жертву, но отречение:

- Те-бе-е, Гос-по-ди-и-и! (II. 27).

Ещё при жизни Толстого критик Н.Н.Страхов выразительно сказал: «Когда русского царства не будет, новые народы будут по «Войне и миру» изучать, что за народ был русские». Солженицын писал свою эпопею, когда русского царства уже не стало; писал, мучительно размышляя над тем, почему же его вдруг не стало; писал, в сущности, для нового, «советского народа» в надежде, что в нём сохранилось что-то русское. По его собственным словам, его сверхзадача в «Красном Колесе» - восстановить нашу «уворованную историю» (III. 72) 4 Эта задача, конечно, не под силу одному автору, так,

что Великая война, думается, ждёт новых повествователей.

1 - 1937, 1969-1973, 1975-1990

2 - создана в тюрьме и в лагере (1948-1952)

3 - Елисеев Н. «Август Четырнадцатого» Александра Солженицына сквозь разные стёкла. – Звезда. 1994 №6 - С.145.

4 - Здесь и по тексту в скобках даются ссылки на издание Солженицын А.И. Красное Колесо. Повествование в отмеренных сроках. В 10 т. – М. Воениздат, 1993-1997.

С.Л.Фирсов

Духовенство и русская армия*

Начиная с эпохи Петра Великого, деятельность духовенства в армии и на флоте приобретала всё большее значение, играла всё большую роль, прежде всего, в деле укреплении моральных устоев нашей страны.

По словам генерала Ивана Антоновича Деникина, *«испокон века вся наша военная идеология заключалась в известной формуле «За веру, царя и отечество».* На ней выросли и воспитались и воспитывали других десятки поколений. Это простая формула и ей следовали военные пастыри.

Как и кому, они подчинялись? При создании регулярной армии в XIIIIV веке, вопрос о военных священниках, как ни странно, актуализирован не был, в том смысле, что военные пастыри подчинялись тем архиереям в епархиях, которых дислоцировались войска. Обособить полковое духовенство от епархиального - такая идея появилась достаточно поздно, практически через 100 лет после действия

военного духовенства в русской армии в эпоху императора Павла I. В 1800 году он повелел, чтобы главная роль, относительно перемен по части армейских священников, принадлежала полевому обер-священнику, должность которого с того времени стала постоянной. Первоначально все преимущества были даны протоиерею Озерецковскому, которого можно назвать первым главным священником русской армии, хотя, повторяю, такой должности он не имел.

В начале XIX века реально и началось строительство военно-духовного ведомства и шло достаточно активно. В 1815 году, буквально вскоре после окончания Отечественной войны 1812 года, Александр I учреждает должность обер-священника, т.е. старшего священника гренадер и гвардии. Должности обер-священников Главного штаба и Отдельного гвардейского корпуса появились в 1830 году при его наследнике и брате императоре Николае I. В 1858 году при императоре Александре II был введён пост обер-священника Кавказской армии, который в дальнейшем был ликвидирован, после того, как Кавказ был замирен.

В дальнейшем название обер-священник заменяется наименованием главный священник. И, практически, весь XIX век, военное духовенство по определённым подразделениям руководится, именно, главными священниками. Работа военно-духовного ведомства, однако, осложнялась рядом обстоятельств, одним из которых был недостаток средств, что делало служение военными батюшками не очень престижным, если такое неудачное слово подходит, в глазах выпускников духовных семинарий и академий.

Но более всего укреплению новой структуры мешало отсутствие единого руководства военным

духовенством, казалось бы, это простая идея, но, тем не менее, она реализовывалась достаточно долго, и, вообще, к ней достаточно долго шли, к пониманию этой идеи. Постоянное увеличение личного состава армии и флота и усложнение, стоявших перед вооруженными силами задач, иллюстрировали это положение со всей очевидностью. Так продолжалось долгий период, вплоть до царствования императора Александра III, в эпоху которого, наконец, сложился институт военного духовенства и отдельное ведомство. В положение от 12 июня 1890 года говорилось об управлении церквями и духовенством военного и морского ведомства, таким образом, что учреждалась должность протопресвитера русской армии и флота.

Эта должность просуществовала менее 30 лет, 27 лет, начиная с 1890 до 1917 года. Хотя мы знаем, что духовенство было в дальнейшем и в Белых армиях, потом оно было задействовано и во Вторую мировую войну, но это другая история. Для придания полновесности этой должности протопресвитера русской армии и флота, ей было присвоено, именно, это достоинство - протопресвитерское, высшее звание для белого, не монашеского духовенства, и она была по военной части приравнена к чину генерал-лейтенанта. Её, кстати, сравнивали и с архиерейским служением, по формальным признакам протопресвитер военного духовенства был равен архиепископу, т.е. должность была весьма и весьма статусная.

Всего протопресвитеров в Русской церкви до 1917 года было немного: протопресвитер Успенского и Архангельского соборов Московского Кремля, протопресвитер придворного духовенства и протопресвитер военного духовенства. Т.е. четыре должности протопресвитеров, исходя уже из этого, можно судить, сколь она была высока. Необходимо

отметить, что и до 1890 года высшие военно-духовные должности занимали лица, имевшие, иногда, высшее звание протопресвитера. Протопресвитер Музовский - обер-священник гвардейского и гренадерского корпусов, но он, помимо всего прочего, был духовником императора и поэтому был протопресвитером. Протопресвитер Кутневич - главный священник армии и флота. Протопресвитер Бажанов - главный священник гвардии и гренадер, духовник императора с 1849 по 1883 год. Но это было связано с обстоятельствами, не имевшими отношения к рангу самой должности.

Протопресвитер избирался Святейшим Синодом и утверждался императором, с учреждением при нём духовного управления. Протопресвитер состоял в непосредственном ведении Святейшего Синода, относящемся собственно до церковного управления, получая указы только от Святейшего Синода. По делам, имеющими связь с предметами ведения Военного или Морского министерств, протопресвитер руководствовался указаниями военного министра. Получалось как бы двойное управление, с одной стороны исходившее от Синода, с другой от военного министра или управляющего морским министерством. Должность военного протопресвитера занимали всего три человека: отец Александр Желобовский, отец Евгений Аквилонский и отец Георгий Шавельский. Каждый из этих руководителей являл собой яркую, незаурядную личность. Однако только о последнем можно сказать, как о подлинно военном священнике, знавшем не понаслышке, а по своей службе, что такое, выражаясь армейским языком, «её службы тяготы и лишения».

Александр Алексеевич Желобовский, утверждённый в 1890 году первым протопресвитером,

вообще-то уже с 1888 года являлся главным священником, формально он был переназначен. Человеком он был весьма, весьма не юным. Будучи главным священником гвардии и гренадер почти 20 лет, опытный был человек, сумел наладить централизованное управление в относительно благоприятных, с военной точки зрения условиях, т.е. в условиях мира. Мирная обстановка помогла упразднить все существовавшие до этого управления главных священников и объединить военное духовенство под единоличной властью протопресвитера. Но, надо отметить, что военной подготовки у него не было.

Будучи престарелым человеком, он реально не мог получать опыт, систематизировать и, так или иначе, использовать опыт Русско-японской войны. А я должен сказать, что в Русско-японской войне военные священники проявили себя с самой лучшей стороны. Выявились и все недостатки института военных священников, ибо действия военных всегда проверяются войной. Выявились недостатки вложений и тех или иных документов, принятых в мирное время, так часто бывает. Но, осуществить соединение всех произошедших событий в некую сумму, позволяющую что-то переделать, отец Александр уже не смог, он скончался в 1910 году.

И на эту должность был назначен, непонятно почему, учёный, профессор, протоиерей Евгений Аквилонский. Не понятно почему, так как он был смертельно болен саркомой, от которой скончался буквально через несколько месяцев. В этой связи его назначение оставляет массу вопросов. Вообще 1905 год продемонстрировал много негативных моментов, в том числе и в армии. И вопросы духовного окормления личного состава армии, в абсолютном

своём большинстве православных людей, были весьма, весьма активны. *«Религиозность русского народа, установившаяся за ним веками, к началу XX столетия несколько пошатнулась»*, - писал Деникин. *«Я исхожу из того несомненного факта»*, - продолжал Деникин, - *«что поступавшая в военные ряды молодежь к вопросам веры и церкви относилась довольно равнодушно. Это тревожный симптом»*. Это он писал уже о начале XX века, но ещё до опыта Первой мировой войны и последовавшей за ней Гражданской. Разумеется, военное духовенство, так или иначе, должно было отвечать на эти вызовы. Но как отвечать? Для этого необходимо было иметь не просто учёного протопресвитера, каким был Евгений Петрович Аквилонов, но протопресвитера лично знакомого с войсками и ситуацией в них.

Я не буду подробно останавливаться на вопросе о назначении наследником Аквилонского протоиерея Георгия Ивановича Шавельского. Он также был учёным, магистром богословия. Но он имел опыт Русско-японской войны, был ранен, прошёл за это короткое время «карьерный рост», если такое выражение уместно, дошёл до должности главного священника одной из армий, воевавших в Русско-японской войне. Таким образом, он имел не столько много влиятельных покровителей, хотя они у него тоже были, сколько много высокопоставленных людей, заинтересованных, именно, в его назначении. Он был относительно молод, ему было чуть за сорок, он не имел даже митры. Митру ему дали вместе с назначением, хотя на такую должность военного протопресвитера обычно назначают священника, имеющего основные награды, практически все. Митра же это высшая награда для белого духовенства.

Как бы то ни было, настоятель Суворовской-Кончанской церкви при Военной академии в Санкт-Петербурге, такая формально должность была у Георгия Ивановича Шавельского ко времени его назначения на должность военного протопресвитера, стал последним, третьим, руководителем военно-духовного управления русской армии и флота. Стал во главе военного духовенства в достаточно сложное время, когда тень мировой войны уже реально нависла над Россией. То, что война произошла в 1914 году, это, конечно, историческая случайность, но то, что она должна произойти было, безусловно, понятно всем трезвомыслящим политикам. С начала 1910-х годов вопрос о европейской войне, как считали тогда, был весьма актуализирован.

Георгий Иванович Шавельский сумел подготовить военных священников, число которых составляло в мирное время 730, а за время войны выросло до 5000 человек, достаточно хорошо к предстоящей войне. Им была разработана специальная инструкция, с учётом совсем недавней и такой неудачной для России войны. Он сумел таким образом воспитать и подобрать кадры, что священники, не смотря на то, что они в конечном итоге, не смогли сыграть существенной роли в сдерживании русских солдат от звериных инстинктов после 1917 года, но, тем не менее, до этого проявили себя самым блестящим образом.

Георгиевский крест, т.е. крест на георгиевской ленте до войны 1914 года имели четыре человека из священнослужителей. А только за войну получили 14 Георгиевских крестов; 227 - золотых наперстных крестов; 85 - орденов Святого Владимира 3-ей степени с мечами; 203 - ордена Святого Владимира 4-ой степени с мечами; 304 - ордена Святой Анны 2-ой

степени с мечами; 239 – орденов Святой Анны 3-ей степени с мечами. Это военные награды военного духовенства за время войны. Уже одно это статистическое перечисление говорит о том, что они проявили себя с лучшей точки зрения. Более 30 священников было убито и умерло от ран, 400 попало в плен.

Священники, естественно, с ружьём не бегали и с саблями наголо не скакали, а сопровождали войска с крестом и молитвой, и, по всей вероятности, это было на передовой, поэтому пули их и достигали. Такого в предыдущей истории не было, до 1914 года это были единичные случаи. 1914-1917 годы дали пример массового героизма военных священнослужителей русской армии и флота. Я думаю, что этот пример может быть востребован в перспективе. Но, как его востребовать этот опыт, как этот опыт укрепить, создавая сегодняшнее военное духовенство, я, признаться, не знаю. Я считаю, что мы должны более изучать опыт прошлого, нежели чем стараться по максимуму развивать сегодняшнее военное духовенство. Потому, что к правильному функционированию военного духовенства в православном государстве мы шли 150 лет, а это срок не малый.

* Текст воспроизведён на основе аудиозаписи.

Т.Ф.Киселева

Владельцы шапкинских имений на воинской службе

«Солдат не тогда храбр, когда в пределах
Отечества царствует мир и спокойствие,
но когда нападают враги на царство,

когда он сражается огнем и мечом,
тогда-то познается его великодушие и храбрость,
любовь к царю и Отечеству».

Св. правед. Иоанн

Кронштадтский

Среди владельцев шапкинских имений и членов их семей было ни мало людей, выбравших для себя военную стезю.

Это и генерал от инфантерии, генерал-адъютант, участник Отечественной войны 1812 года, владелец имения «Шапки» Александр Дмитриевич Балашев, именем которого названы наши «Балашевские чтения». Военными были и четверо его сыновей: подполковник Дмитрий Балашов, флигель-адъютант Петр Балашов, капитан Александр Балашов и штабс-ротмистр Кавалергардского Ея Величества полка и адъютант военного министра Чернышева Иван Балашов, который был убит при селении Ахатла на Кавказе 9 мая 1841 года.

Военную карьеру избрали и четыре сына владельца имения «Шапки» протоиерея Федора Яковлевич Дубянского, портрет которого сегодня представлен на выставке. Это бригадир Михаил Дубянский, гвардии поручик Захар Дубянский, гвардии ротмистр Петр Дубянский и майор Яков Дубянский. Михаил и Захар в составе своих полков участвовали в дворцовом перевороте, приведшем на трон Екатерину II. Яков Дубянский был владельцем имения «Шапки», при нём был построен храм Покрова Пресвятой Богородицы, более 150 лет, украшавший своими благородными архитектурными формами наше село.

В Отечественную войну 1812 года участвовали в ополчение от Шлиссельбургского уезда Санкт-Петербургской губернии два сына Якова Дубянского: создатель усадьбы «Александровка» что в трех верстах от Шапок, полковник Александр Дубянский и владелец имения «Шапки» Федор Дубянский. Участником Отечественной войны 1812 года был и внук Якова Дубянского юнкер Георгий Александрович Дубянский. Штабс-ротмистр Георгий Дубянский был убит в 1829 году в Болгарии под Шумлой, с его гибелью прервалась по мужской линии эта ветвь дворянского рода Дубянских. Имение «Александровка» перешло по женской линии в род Марковых.

Военными были два внука Александра Яковлевича Дубянского: Александр Петрович и Георгий Петрович Марковы. Праправнуки А.Я.Дубянского Владимир и Александр Ольденборгеры и Александр Бутурлин были участниками Первой мировой войны. Владимир также как и его прапрадед Александр Дубянский был Георгиевским кавалером.

Список завершают первый и второй муж владелицы имения Шапки Ирины Васильевны, урожденной Нарышкиной: граф Илларион Илларионович Воронцов-Дашков (1877-1932), гвардии полковник, командир кавалерийского полка, личный адъютант Великого князя Михаила Александровича и князь Сергей Александрович Долгоруков (1872-1933), который был генерал-майором и флигель-адъютантом свиты Его Величества Николая II, оба участвовали в Первой мировой войне.

Но среди владельцев имения «Шапки» следует назвать первым полководца времен Петра I

генерал-фельдмаршала, кавалера высшего российского ордена Андрея Первозванного, князя Василия Владимировича Долгорукова (январь 1667-11.02.1746). Василий Владимирович Долгоруков происходил из древнего княжеского рода, ведущего свою родословную от Рюрика и Черниговских князей.

Он прожил долгую жизнь и находился на воинской службе в годы царствования Петра I, Екатерины I, Петра II, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны.

Службу Долгоруков начал в возрасте 18 лет (1685 г.) стольником при царях Иване и Петре Алексеевичах. С 1700 года он служил в Преображенском полку, участвовал в Северной войне (1700-1721). В чине капитана гвардии отличился при осаде столицы Курляндского герцогства Митавы (август–сентябрь 1705), и был ранен при взятии Митавского замка.

Будучи майором гвардии, князь Долгоруков выполнял труднейшее поручение Петра I – в 1708 году, жестоко подавляя на Дону восстание Кондратия Булавина. Князь Юрий Долгорукий, убитый Булавиным, был старшим братом Василия Долгорукова, поэтому Петр мог вполне надеяться, что Василий Владимирович употребит особенные усилия к тому, чтобы подавить восстание Булавина и пресечь его преступные замыслы, царь писал Меншикову, что *"иного достойного на то дело не нашел"*. Майору Долгорукову предписывалось Петр I: *"самому же ходить по тем городкам и деревням, которые пристают к воровству, и оные жечь без остатку, а людей рубить, а заводчиков на колеса и колья, дабы тем удобнее оторвать охоту к приставанью и воровству людей; ибо сия сарынь, кроме жесточи, не может унята быть"*. Булавицкий

бунт был жестоко подавлен, многие его участники были убиты в боях или казнены. Усмирение бунтовщиков всецело следует вменить в заслугу князю Василию Долгорукову, хотя для совершения ему и пришлось не раз употреблять ужасные по своей жестокости меры. За успешное выполнение этого поручения был произведен в подполковники.

21 июня 1709 года Василий Долгоруков в день знаменитой Полтавской битвы командовал резервной кавалерией и проявил под огнём врага мужество, отвагу и решительность, чем способствовал полному поражению шведов. За что был пожалован чином генерал-поручика и многими деревнями. К числу этих многих деревень относятся Шапки с 14 деревнями в Шлиссельбургском уезде. В своих шлиссельбургских владениях Долгорукий был обязан заселить пустоши, крестьянами, переселенными из его подмосковных деревень и других владений.

Со времён Полтавской битвы В.В.Долгоруков стал одним из любимых полководцев Петра I. В декабре 1709 года он, генерал-поручик, удостоился высочайшей чести, стал крестным отцом царевны, будущей императрицы Елизаветы Петровны.

Во время неудачного Прутского похода 1711 года Долгоруков находился при Петре I. Когда русская армия была окружена турками, Долгоруков присоединился к предложению фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева «проложить дорогу штыками или умереть», за мужество он получил Высший орден Андрея Первозванного. В сентябре 1713 года Долгоруков отличился при взятии светлейшим князем А.Д.Меншиковым города Штеттина.

В начале 1715 года Долгоруков возглавлял комиссию по расследованию хищений и подлогов по провиантской части, совершенных при участии многих знатных особ, в том светлейшего князя А.Д.Меншиков, графа Ф.М.Апраксин. Долгоруков вел следствие, с присущей для него прямоотой и резкостью, невзирая на заслуги, звания и чины подследственных. Тем самым нажил себе могущественных врагов.

В середины 1710-х Долгоруков выполнял различные военные и дипломатические поручения у Петра I в России и за границей. В июне 1712 года с небольшим отрядом (2700) при местечке Вресна в Польше он разбил 15-тысячный отряд сторонников Станислава Лещинского. В конце 1715 года из-за болезни Петра I Долгоруков был послан царем вместо себя в Польшу «для тамо управления <...> дел». В 1716-1717 сопровождал Петра I в его поездке в Голландию и Францию. Из этого видно, насколько Петр отличал его своим исключительным доверием и расположением.

Несмотря на расположение Петра I, благодаря которому Василий Долгоруков стал одним из видных государственных деятелей, он отрицательно относился ко многим петровским реформам. Князь примкнул к сторонникам и советникам Алексея Петровича, пытаясь защитить его от отцовского гнева. За это Долгоруков жестоко поплатился, был арестован в Петербурге и доставлен в оковах в Москву. Суд приговорил его к лишению чинов, званий и деревень. Несмотря на заступничество старшего в роду князя Якова Федоровича Долгорукова, он был сослан в Казань. Шапки с окрестными 14 деревнями отошли в государеву казну. Во многом причиной несчастий Василия Владимировича был его грубый солдатский

язык и прямолинейность. Как писал французский дипломат Клавдий Рондо, князь Василий Долгоруков от природы был *« щедр, смел, откровенен, а в разговоре и в речах своих свободен, даже до дерзости. За это он дорого поплатился потому, что <... >за слишком вольные осуждения действий царя он подвергся опале»*.

Через 6 лет тюрьмы, в мае 1724 в день коронации Екатерины I князь Василий Долгоруков был прощен царем, вызван из ссылки с дозволением поступить на службу в чине бригадира. Но его карьера восстановилась быстро. В 1726 г. сложные политические обстоятельства в Персии, и угрожающее положение Турции потребовали назначения на Кавказ опытного генерала с широкими полномочиями. Выбор пал на Василия Владимировича Долгорукова. С поручением он справился блестяще. Долгоруков «обнадежил армян принятием их в русское подданство», и просил императрицу о разрешении воспользоваться слабостью турок и предпринять наступательное движение в Персию. В тоже время он «привел в подданство России провинции по берегу Каспийского моря». В Петербурге были очень довольны действиями Долгорукова, но никак не хотели принимать его совета и начать военные действия против Турции с тем, чтобы закрепиться в Персии. Еще в царствование Екатерины I князь Долгоруков стал генерал-аншефом и ему во второй раз вручили орден Андрея Первозванного (1726).

С возвышением князей Долгоруких при императоре Петре II Василий Владимирович был вызван с Кавказа в Москву. В феврале 1728 в день коронации императора Петра II он был пожалован в генерал-фельдмаршалы и произведен в подполковники лейб-гвардии Преображенского полка.

При императоре Петре II вошел в состав Верховного тайного совета. После смерти Петра II в январе 1730 году противился попыткам своих родственников Алексея Григорьевича, Василия Лукича и Сергея Григорьевича Долгоруковых возвести на престол царскую невесту Екатерину Алексеевну Долгорукову. Князь Василий Владимирович решительно заявил, что никто не имеет права вступать на престол, пока имеются налицо члены императорского дома, хотя бы и женского пола. Он считал, что это неслыханное дело приведёт к гибели всего рода. *«Не только посторонние, но и я, и прочие нашей фамилии на то не согласятся».*

При императоре Петре II вошел в состав Верховного тайного совета. После смерти Петра II в январе 1730 году противился попыткам своих родственников Алексея Григорьевича, Василия Лукича и Сергея Григорьевича Долгоруковых возвести на престол царскую невесту Екатерину Алексеевну Долгорукову. Князь Василий Владимирович решительно заявил, что никто не имеет права вступать на престол, пока имеются налицо члены императорского дома, хотя бы и женского пола. Он считал, что это неслыханное дело приведёт к гибели всего рода. *«Не только посторонние, но и я, и прочие нашей фамилии на то не согласятся».*

Тем не менее, будучи членом Верховного Тайного Совета, князь Долгоруков разделял стремления «верховников» князей Д. М. Голицына и В. Л. Долгорукова ограничить самодержавную власть новой Императрицы Анны Иоанновны.

После воцарения императрицы Анны Ивановны (декабрь 1730г.), упразднения Верховного тайного

совета и восстановления Сената В.В. Долгоруков стал сенатором и был назначен президентом Военной коллегии. Он был на тот момент, пожалуй, единственным из могущественного рода князей Долгоруковых, кого не коснулась опала. По своему обыкновению, Долгоруков открыто высказывал свое недовольство гонениями, которым императрица Анна Иоанновна подвергла других Долгоруковых.

Новая беда постигла упрямого и своенравного вельможу. По доносу его коллеги генерал-поручика принца Людвига Гессен-Гомбургского В. В. Долгорукий был арестован, обвинен в оскорблении императрицы, лишен чинов и орденов и приговорен к смертной казни, которую заменили ссылкой в Шлиссельбург, а потом в Ивангород, где под строгим караулом он просидел 7 лет. Современники считали, что Государыня мстила ему за участие в «затейке верховников», которые имели цель ограничить власть императрицы в пользу Верховного тайного совета. Как значилось в Высочайшем манифесте, он, *"презря нашу к себе многую милость и свою присяжную должность, дерзнул не токмо наши государству полезные учреждения непристойным образом толковать, но и собственную Нашу Императорскую персону поносительными словами оскорблять, в чем по следствию дела изобличен..."*

Ведение дел по конфискованному движимому и недвижимому имуществу Долгорукова передала московскому губернатор Семену Андреевичу Салтыкову. Отписные деревни были приписаны к дворцовым владениям. Были подробно описаны московские дома Долгорукова и движимое имущество в них. Владения Долгорукова перешли в казну и до 1741 года числились за Дворцовым ведомством.

Осенью 1739 после нового следствия по делу Долгоруковых за недонесение на своих родственников, пытавшихся возвести на престол Екатерину Долгорукову, Василий Владимирович Долгоруков был отправлен на пожизненное заключение в тюрьму Соловецкого монастыря, но провел там два года.

После вступления на престол Елизаветы Петровны В.В. Долгорукий в декабре 1741 года был возвращен в столицу, получил во второй раз жезл фельдмаршала и в третий раз орден Андрея Первозванного. Вернули князю и отписные деревни, в том числе и в Шлиссельбургском уезде. Сделано всё было по повелению императрицы. На докладе Сената по делу Долгоруких, которое затребовала императрица Елизавета Петровна, было написано рукой генерал-прокурора: *« Ея императорское величество Долгоруких не винила и не осуждала, а потому и прощать не может. А высочайше повелеть соизволила освободить не медля, где кто из них окажется в живых. Княжну Екатерину Алексеевну возвратить в Санкт-Петербург, а за князем Василием Владимировичем послать и возвратить ему чины и ордена и все те имена, кои ещё не розданы, но все сие учинить не печатным указом».*

Долгорукий, назначенный императрицей Елизаветой Петровной президентом Военной коллегии, 15 лет тюрем не сломили его натуры, до самой смерти был деятелен и бодр; ввел ряд улучшений в организацию войск и в их вещевое снабжение.

Умер Василий Владимирович Долгоруков в возрасте 79 лет 11 января 1746 года в почетном звании фельдмаршала и был похоронен в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры.

Императрица Елизавета оплакивала в нём верного слугу, крестного отца и последнего Андреевского кавалера, получившего орден из рук Петра I. Пожалуй, лучшей эпитафией ему могут служить слова испанского посла де-Лириа: *«Притворяться он не умел, и недостаток его был тот, что он слишком откровенен и искренен. Был он отважен, но весьма тщеславен, добрый друг, но и враг непримиримый. Жил открыто и вообще, можно сказать, что он принадлежал к числу вельмож, делавших честь своей отчизне»*. Русский историк Д.А.Корсаков так характеризовал В.В.Долгорукова: *« Чуждый лукавства и криводушия, не входивший ни в какие сделки и «конъюнктуры» , он действовал всегда начистоту и всегда и везде, невзирая ни на какие обстоятельства , прямо в глаза говорил правду»*.

После смерти В.В.Долгорукова его земли в Шлиссельбургском уезде, в очередной раз были переданы в государственное управление, но ненадолго. Уже в следующем году почти вся южная часть Шлиссельбургского уезда с центром в Шапках, принадлежавшая крестному отцу Елизаветы Петровны В.В.Долгорукову была подарена императрицей Елизаветой Петровной её духовному отцу – протоиерею Федору Яковлевичу Дубянскому.

К.М. Александров

Трагедия России в XX веке и судьбы русского офицерства

Продолжая тему, затронутую Светланой Всеволодовной, я бы хотел поговорить о той драме, которая связала трагедию России в начале XX века с

судьбами русского офицерства. Полагаю, что материал, который предложу вашему вниманию, в том числе и статистический, будет интересен. Именно потому, что он далеко не всем, даже профессиональным учёным известен, не говоря уже о тех людях, которые просто интересуются историей. К сожалению, наши знания истории в основном базируются на школьных учебниках.

Само слово офицер, которое сегодня уже звучало в стенах этого храма, уходит корнями в историю античного мира. В переводе с латинского языка слово «офицер» восходит к таким словам как «должностное лицо» и «служба». В русском языке это слово появляется в 80-х годах XVII века в царствование Федора Алексеевича и Софьи Алексеевны. Филологи полагают, что в русский язык слово офицер привнесли немцы или главные противники русских в войнах XVII века - поляки и шведы.

В XVII веке в России уже при первых Романовых, в частности, при царе Михаиле Федоровиче начинает формироваться система офицерских чинов. Вопреки распространённому мнению, в соответствии с которым именно царь Пётр Алексеевич создал регулярную армию, полки наземного строя возникают в России уже при царе Михаиле Фёдоровиче, в 30-е годы XVII столетия. Тогда же стали выдаваться и первые офицерские патенты. Формированию системы офицерского чиновпроизводства очень помогла отмена местничества в 1682 году, когда прекратилась древнерусская традиция, в соответствии с которой назначения на командные должности в войсках проводились не по способностям, а по родовитости.

На рубеже XVII-XVIII веков возникает профессиональная корпорация, послужившая основой для русского офицерского корпуса. И на протяжении следующих полутора веков, т. е. до середины XIX века, русское офицерство было привилегированной частью дворянского сословия. Но во второй половине XIX века начинается изменение состава офицерского корпуса, связанное с входом в офицерский корпус разночинцев.

К 1912 году произошли достаточно серьезные изменения, и если мы посмотрим на кадровый состав русского офицерского корпуса, включая и привилегированную гвардию, то получится, что доля потомственных дворян, т. е. выходцев из привилегированного сословия, к 1912 году составляла только 53, 5%, причём в пехоте эта доля оказалась ещё ниже - только 44 %. Меньше половины кадровых русских офицеров в пехоте Императорской армии накануне Первой мировой войны происходило из потомственных дворян. Всего у России к 1912 году насчитывалось 48 615 генералов и офицеров, и по своему характеру это была всесословная корпорация, в которой очень большую, колоссальную роль, играла этика поведения, этика службы и отношение, я бы сказал, к окружающей жизни, и даже не только к военной службе.

В частности, в очерке «Российские офицеры», у нас ещё не переизданном, авторы - сами бывшие офицеры Императорской армии - писали об этом так: *«Строгость, - имелись в виду требования, которые предъявляла корпорация к каждому своему члену, - имела веское основание. Для боя полк должен был быть воинским братством, а ради этого офицерская семья должна была быть семьёй в полном слове семьёй, в которой все одинаково*

мыслят, чувствуют и действуют, и притом не только в строю и на службе, но и вне казармы, в частной жизни. Офицера воспитывали в кадетском корпусе, в военном училище, в полку, создавая и укрепляя сознание обязанности перед царём и Родиной, искореняя мысль о правах политических, о праве на собственное благосостояние, и даже на собственную жизнь».

По мобилизационным планам каждая регулярная дивизия мирного времени должна была формировать, так называемую второочередную дивизию за счёт запасных (резервистов), призываемых только в военное время. Часть офицеров предназначалась для занятия должностей в этих соединениях второй очереди. И при составлении мобилизационных планов очень многие офицеры просили не зачислять их во второочередные дивизии, желая выйти на фронт со своей частью мирного времени.

Русское офицерство традиционно несло очень высокие потери, и это было связано отнюдь не с неумением воевать, а я бы сказал, в первую очередь, с более высоким отношением к своему личному чувству долга. Так, в частности, на полях русско-японской войны, о которой здесь уже говорилось, из каждой тысячи солдат погибли 45 чинов, а из каждой тысячи офицеров - 78. Ещё раз назову цифры на 1912 год – 48 615 генералов и офицеров насчитывал офицерский корпус Российской империи, а офицерские потери в годы Великой войны - убитыми, ранеными, контуженными, пропавшими без вести, обожженными, заболевшими - составили 130 959 человек. Понятно, что в годы Первой мировой войны были призваны офицеры из запаса и офицерский корпус пополнили те, кто получил производство в

офицерские чины после окончания военных учебных заведений собственно в годы Мировой войны.

Самыми трудными годами Великой войны для русского офицерского корпуса были 1914 и 1915 годы: 66 тыс. человек составили потери офицерского корпуса, в том числе 13 000 пленными. Это было связано, в первую очередь, с тем, что в период с лета 1914 по лето 1915 года война носила маневренный характер. Самая тяжелая кампания для русской армии - кампания 1915 года, в которой наибольшие потери были понесены при тяжелейшем снарядном голоде в русских войсках и, соответственно, при попытке немецкого командования перенести тяжесть боевых действий на Восток, за счёт германского превосходства в технических средствах борьбы, артиллерии. И, произошло это при попытках немецкого командования уничтожить русскую армию, чтобы вывести Россию из войны и заставить её подписать сепаратный мир. На этот период приходятся самые тяжелые потери. К сожалению, война покончила, по большому счёту, с довоенным офицерским корпусом, по крайней мере, в пехоте – а ведь это был основной род оружия (войск). Утрата лучшей части общества стала одной из причин, я бы сказал, ни столько успеха революции 1917 года, сколько последующего социалистического эксперимента, успеха Октябрьского переворота и укрепления большевиков у власти.

Приведу, буквально, один пример: 8 сентября 1914 года, 102-я годовщина Бородинской битвы. Л.-гв. Московский полк под Тарнавкой южнее Люблина в пешем строю атаковал сильно укрепленную германскую позицию. Невозможно было ждать подвоза русской артиллерии, поскольку решался исход огромного сражения. И в ходе этой атаки по открытой

местности - единственный пример за всю историю Великой войны - москвичи взяли 42 стрелявшие пушки противника, несколько десятков пулеметов. При этом потери полка составили 3,2 тыс. нижних чинов и 63 офицера, т. е. 86 % личного состава. Практически весь полк сгорел в единственной атаке, хотя и самой красивой, но люди были уже невосполнимы.

Один из кадровых офицеров русской армии, выпускник Павловского военного училища 1912 года Михаил Фёдорович Скородумов писал в эмиграции: « *Эти люди, это было что-то изумительное, это было государство в государстве, прекрасная роза на навозе, это была единственная народная школа. Это были люди, у которых были совершенно другие понятия о долге, о чести, о России и всё это принималось как истина, не подлежащая обсуждению.*».

Кстати, я хочу сказать, что потери германского офицерского корпуса в Мировую войну не были столь сокрушительны. Из 45 923 кадровых немецких офицеров до конца войны, до осени 1918 года, погибли 11 357 человек, т. е. 25 %. Что касается резервистов, которые были призваны в войска в ходе войны, то их потери составили 16 %. Несмотря на то, что Германия проиграла Первую мировую войну, она сохранила костяк своего офицерского корпуса. В 1920-е годы он послужил фундаментом для создания небольшой высокопрофессиональной армии Германской республики, знаменитого Рейхсвера. И только сохранение этого костяка позволило Гитлеру в 1930-е годы быстро развернуть боеспособную и квалифицированную большую армию.

Очень важным качеством и отличием старого русского офицерства была верность присяге. Если

говорить о войне 1812 года, то нам известно, что в Смоленской губернии сотрудничали с противником 61 человек, в том числе 7 лиц в офицерских чинах. Один подполковник, капитан, два штабс-капитана, два подпоручика, один прапорщик - фамилии их известны. Однако все они сотрудничали с французами не на военной службе, а служили в органах муниципального самоуправления, пытаясь оказать помощь населению, попавшему во французскую оккупацию. Единственный случай прямого военного сотрудничества, который нам известен, произошел летом 1812 года. Один из офицеров русской кавалерии, корнет Городецкий перешел на сторону французов и 11 января 1813 года он был расстрелян. Но он был поляк по национальности и для него переход на сторону французов связывался с идеей службы своей родине, которую он считал плененной русскими и австрийцами.

Практически нет сведений о сотрудничестве русских офицеров и переходе на сторону противника в ходе Крымской войны, войны 1877-1878 годов и русско-японской войны. В Первую мировую войну самый известный случай - история прапорщика 16-ого Сибирского стрелкового полка Дмитрия Ермоленко, который в апреле 1917 года дал в плену согласие сотрудничать с немцами. Он был переброшен для ведения пораженческой агитации в русский тыл и сразу же сдался в плен чинам русской контрразведки, дав показания о том, что немцы используют эмигрантов, в том числе большевиков, для пораженческой агитации в русском тылу. Но эта история ещё требует проверки. К сожалению, в годы Второй мировой войны ситуация выглядела иначе – причем активно с немцами сотрудничали не только белые эмигранты, но и многие командиры Красной армии, и бывшие русские офицеры, оставшиеся после 1917 года в Советской России. Тяжелые изменения

произошли в нашей стране между двумя мировыми войнами.

К осени 1917 года русский офицерский корпус насчитывал примерно 276 тыс. человек. Судьбы офицеров по подсчетам д. и. н. Сергея Владимировича Волкова сложились по-разному. Порядка 50 тыс. русских офицеров были истреблены большевиками, в период красного террора в годы гражданской войны, когда производилось массовое уничтожение людей по социальному признаку. Самые крупные акции - зима 1917/18 года в Крыму - Севастополь, Ялта. Затем Киев, конец января - начало февраля 1918 года. И затем наступил уже организованный красный террор.

Около 170 тыс. офицеров приняли участие в Белом движении. Из них 55 тыс. погибли, 60 тыс. оказались в эмиграции и 55 тыс. остались в РСФСР на положении частных лиц. Участь последних была печальной. 5 тыс. оказались на территории вновь образованных государств, таких как Польша, Финляндия, республики Прибалтики. Самые известные фигуры среди них, например, генералы Маннергейм и Андерс, служившие в армиях Финляндии и Польши.

48,5 тыс. русских офицеров служили в Рабоче-крестьянской Красной армии. Причем добровольно пошли служить немногие, называются цифры в диапазоне от 765 до нескольких тысяч человек. В основном это были бывшие офицеры мобилизованные в РККА. Если говорить о крупных чинах старой армии, то в Красной армии служили 775 бывших русских генералов, 980 полковников и 746 подполковников, что составляет не более 10 % от общего числа генералов, полковников и подполковников старой русской армии. Основная масса военных

специалистов («военспецов») состояла, в основном, из офицеров производства военного времени, в чинах от прапорщика до штабс-капитана (к осени 1917). Доля военных специалистов в Красной армии постоянно падала, на 1918 год она составляла 75%, на 1919 - 53%, на 1920 - 42%, на 1921 - 34%, а в 1931 году среди начсостава РККА насчитывалось только 12 % бывших офицеров. К 1941 году эта доля упала до считанных процентов или оказалась еще меньшей.

На протяжении межвоенного двадцатилетнего периода бывшие офицеры – и служившие в Красной армии, и жившие в качестве частных лиц - подвергались постоянным репрессиям и чисткам. Причём речь шла о сотнях погибших и тысячах, отправленных в лагеря. Мотивация, которой руководствовались бывшие офицеры при поступлении на службу в Красную армию, была очень разной. Можно насчитать около десятка причин. Кто-то хотел спасти свою семью от красного террора, кто-то считал, что если большевики выражают народную волю, то нужно быть с народом, т. е. служить новой власти, кто-то перешел на службу к большевикам в надежде вести подпольную работу. Так, например, в 1919 году начальник штаба 7-й советской армии В. Я. Люнденквист как раз был сотрудником генерала Юденича и одним из руководителей белого подполья в Петрограде. Петроградские чекисты расстреляли его зимой 1920 года.

Конечно, были бывшие русские офицеры, которые проявили себя уже в годы Второй мировой войны в рядах Красной армии - бывший полковник, учёный- артиллерист, генерал-полковник артиллерии В. Д. Грендаль, бывший полковник Б. М. Шапошников, ставший советским маршалом. Многие советские маршалы - И. Х. Баграмян, А. М. Василевский, Л. А.

Говоров, Ф. И. Толбухин - это бывшие обер-офицеры русской армии. В то же время в годы Великой войны 264 русских офицера-авиатора стали Георгиевскими кавалерами (из них из дворян происходили лишь 117). Осенью 1917 года были живыми 219, но к началу Второй мировой войны на службе в РККА оставалось не более пяти авиаторов из числа бывших Георгиевских кавалеров, причем двоих из них репрессировали в последующие годы.

Наименее известная и самая печальная тема связана с тем, что в армии генерала А. А. Власова в 1944-1945 годах оказалась заметная группа бывших русских офицеров, служивших в качестве «военспецов» в Красной армии после 1917 года. А. С. Перхуров (подполковник в 1917), М. А. Меандров (штаб-капитан в 1917), Ф. И. Трухин и В. Ф. Малышкин (прапорщики в 1917) и др. - это всё бывшие офицеры и командиры Красной армии, которые, попав в плен, служили затем в армии Власова. Причём Перхуров - кадровый подполковник, происходил из знаменитой офицерской семьи. Отметим, что позиция русской военной эмиграции в годы Второй мировой войны тоже выглядела неоднозначной. Генерал-лейтенант А. И. Деникин решительно отказался от сотрудничества с немцами. Но сотни офицеров-эмигрантов, включая героев Первой мировой войны (П. Н. Краснов, Б. С. Гескет, Б. А. Штейфон и др.), рассматривали войну между Германией и Советским Союзом как продолжение войны гражданской.

Вторая мировая война окончательно покончила со старым русским офицерским корпусом. Это уникальная профессиональная корпорация, состоявшая из людей, которые зачастую были яркими представителями Русской Императорской армии и внесли неопределимый вклад в отечественную культуру,

практически не оставила ни преемников, ни учеников, ни традиций. Увы, это один из печальных результатов катастрофического для нас XX века, проигранного Россией, по справедливому замечанию Александра Солженицына.

В.С. Правдюк

Нравственное начало исторической памяти*

Наверное, мы абсолютно несчастный народ, может быть даже самый несчастный народ в этом мире, потому, что мы, наверное, единственные кто в начале воздвигает храмы, потом рушит их, потом снова их восстанавливает. И это совершенно не виданное действие делает нас абсолютно несчастными. Я недавно был на открытии в честь 100-летия морского собора в Кронштадте, который тоже был практически разрушен, только стены стояли. Сейчас, как говорят, он стоит во всем великолепии, открыт заново, освящён. Но суть остаётся в том, что мы его практически уничтожили, а сейчас во всём великолепии открываем вторично. Мне кажется, что, в конце концов, из этого нашего общего несчастья будет создано и что-то положительное.

Немецкий солдат, которому было 18 лет в 1945 году, он не воевал в России, он воевал в Италии, решил начать писать дневник. Он погиб вечером того же дня, когда утром написал одну фразу в этом дневнике. Она звучала так: *«Дальше всех заходит тот, кто не знает куда идти»*. Мне кажется, что мы все вместе, я имею в виду наш народ, в XX веке зашли так далеко, потому, что не знали куда идти. А вели нас пастыри, вооруженные дьяволом и завели нас, в общем, в ситуацию, то ли возвращаться нам обратно в

1913 год, что не возможно, чтобы ощутить те нашего народа, которые были, то ли перепрыгивать через пропасть сегодня и двигаться куда-то вперед.

В общем ситуация в нравственном смысле довольно сложная. Если говорить о нравственном начале и в нашей жизни и в истории, ситуация, конечно, трагическая. От тех кантовских ценностей, о которых нам говорили, о звёздном небе над головой и нравственном начале в человеке, мало что осталось. Звёздное небо, конечно, осталось, но 70 лет и оно было довольно в сложном положении.

Я вспоминаю переписку двух Лосевых, знаменитого нашего философа Алексея Федоровича Лосева и его жены Валентины Лосевой профессора математики. Один был арестован и находился на строительстве Беломорканала, а Валентина Лосева находилась в лагере под Карагандой. Они смотрели на звёздное небо и писали друг другу совершенно потрясающие лирические письма. А что, касается нравственного начала, я процитирую слова Александры Львовны Толстой, которая первых 10 лет прожила в Советской России. Вот, что она писала: *«Трудно было не лгать в Советской России, чтобы спасти работу, свою и чужую жизнь, все мы лгали и совесть растягивалась, как резинка».*

В декабре 1917 года Аркадий Аверченко успел выпустить два последних номера журнала «Сатирикон». Номер 44 и номер 45. Оба этих журнала до читателя не дошли, они были конфискованы большевистскими комиссарами и остались только у нескольких собирателей в качестве очень больших редкостей. Вот в 45-ом номере Аркадий Аверченко изложил шутку, которая звучала так: *«Один шпец, встал на дыбенки расправил крыленки и давай*

коллонтаить». Я думаю, что «наколлонтаили» у нас вполне достаточно.

И вспоминая о том, что говорила Светлана Всеволодовна, я вообще люблю, когда мы как бы аукаемся с докладами, потому, что какие-то мысли, которые я услышал, за которые я благодарен сегодняшним докладчикам, они вызывают какие-то мысли немедленно, а не потом. Так вот, мне кажется, что «Ленин в Цюрихе», это, наверное, одна из самых главных работ Александра Исаевича Солженицына, и там он прекрасно показал, как у Ленина было довольно много времени, чтобы подготовиться к тому, чтобы потом «коллонтаить». Он, действительно, был прекрасно вооружён теорией и практикой, к тому, чтобы разжечь Гражданскую войну, к тому, чтобы натравить друг на друга работников культуры.

Например, его теория двух культур, говорит о том, что, скажем, нация типично буржуазное понятие, а том, что есть две культуры одна реакционная православная, другая либерально-демократическая прогрессивная и так далее, и тому подобное. Естественно, все эти мысли, к сожалению, находили отклик в тогдашнем русском обществе, потому, что интеллигенция была, я бы сказал, на грани того, чтобы принять дьявола. Мы говорим о том, что могила генерал-адъютанта Александра Дмитриевича Балашева осквернена и сегодня сверху стоит магазин. Мы удивляемся, негодуем, но это совершенно типичное явление Советского Союза. Были уничтожены тысячи кладбищ. Вспомним только кладбища Первой мировой войны, войны, которую я называю войной, которой нужна любовь, потому, что она не только забыта и осквернена, но там воевали наши деды и прадеды и мы должны помнить их

участие в этой войне. Так вот в России не осталось ни одного кладбища Первой мировой войны.

Кладбища уничтожались и гражданские. И кто был инициатором? Один из кумиров советской литературы Алексей Максимович Горький. В 1927 году он написал Лазарю Моисеевичу Кагановичу письмо, они вообще состояли в переписке. И в этой переписке в начале Каганович посетовал, что у них не обработанного камня, чтобы улучшить в Москве тротуары, дороги и так далее. И Горький написал в письме: *«О чём вы говорите, берите на кладбище, там масса бесполезных монументов, памятников и не будет никаких проблем, можете мостить дорогу этими памятниками»*. С этого и началась, я понимаю, что большевизм и без Горького разграбил бы православные кладбища. Но толчок был дан, Каганович как еврей боялся быть инициатором подобного явления, разграбления кладбищ. А здесь он доложил Сталину: *«А вот Горький предлагает...»*. А Сталин написал на его бумаге: *«Пожалуйста, начинайте...»*.

Я могу процитировать ещё одно письмо Максима Алексеевича Горького от 8 января 1930 года. Это письмо направлено Сталину. В это время проходило, пожалуй, самое страшное, из-под России вышибали основу её – крестьянство, сословие, которое составляло основу России и нас с вами, поскольку в России, в общем-то, в дальнейшем промежутке все крестьяне. Так вот Горький написал Сталину: *«После того, как партия так столь решительно ставит деревню на рельсы коллективизма, социальная революция принимает подлинно социалистический характер. Это переворот почти геологический, и это больше неизмеримо, неизмеримо больше и глубже всего,*

что было сделано партией. Уничтожается строй жизни существовавший тысячелетия, строй, который создал человека, крайне уродливо-несообразного и способного ужаснуть своим животным консерватизмом, своим инстинктом собственника, таких людей два десятка миллионов. Задача перевоспитать их в кратчайший срок. Безумнейшая задача, и, однако, вот она практически решается». Пока у нас будут такие кумиры, я думаю, врядли мы что-то можем сделать.

А вообще судьбу каждой настоящей российской семьи лучше всего проследить на примере семьи, которую я хорошо знал. Это семья Александра Трифоновича Твардовского, которому недавно в Москве поставлен памятник, и совершенно заслуженно, потому, что это великий русский поэт, и, я уж не говорю про некоторые его формулы, они совершенно уникальны и гениальны. Например, «этот стриженный народ» - сказать так о русском народе в советский период, по - моему, это очень сильно.

Так вот, в этой семье было семеро детей. Отец Трифон Корнеевич был кузнецом. Семья всегда жила на хуторе рядом с большим селом Загорье. Они были, действительно, индивидуалисты, люди сильные, мощные с характерами. Потому что, когда я общался со старшим братом Константином и с младшим Иваном, я видел, насколько быстро они вспыхивают и могут взяться за топоры, несмотря на то, что братья поспорили по довольно-таки незначительному поводу.

Но, вот о чём я хочу сказать, эта семья, когда уже поэт Александр Трифонович был достаточно известен в Смоленской губернии, уже жил в Москве, она была раскулачена. Хутор, конечно же, через несколько месяцев сгорел начисто. Потом он был

восстановлен в качестве музея. Мне пришлось много раз бывать, снимать, жить и беседовать с уцелевшим братом Иваном Твардовским. Хутор сгорел, и хотя его всегда выдавали за сгоревший в 1943 году, когда отступали немцы, и, наверное, знаменитая фотография Александра Трифоновича Твардовского у сгоревшего хутора в форме подполковника известна всем, но на самом деле хутор сгорел ещё в 1932 году. Он был просто сожжён.

Так вот семья раскулачена, она находится в районе Северного Ледовитого океана, в районе Нарыма, немножко южнее, живёт в нечеловеческих совершенно условиях. Умирают брат и сестра младшие, и тогда брат Константин старший и отец бегут из этого поселения. Им удаётся добраться до Москвы, где поэт уже получил квартиру в доме, где живут только сотрудники НКВД и высокопоставленные партийные работники. Они ночью пробираются к нему на лестницу и стучат в дверь. Александр Трифонович выходи и видит оборванных своих отца и брата. И вынужден им сказать: «Так вы бежали?». Закрывает дверь и уходит. Конечно, можно осуждать, можно всё что угодно предполагать, но суть состоит в том, что это невыносимая травма, которая в душе великого человека уже никогда не могла бы быть изглажена. Отсюда и запои и всё, что угодно. И жизнь коротка оказалась. И при этом тот вклад, который он внёс в русскую поэзию XX века, трудно переоценить. Вот судите сами, насколько растление человеческой души могло быть глубоким, насколько оно влияло на всё, на весь быт, на любого человека, даже на такого человека как Александр Трифонович Твардовский.

Ну, а все Твардовские оказались очень талантливыми людьми. Брат Иван, который потом попал в финский плен, вернулся в Россию в 1947 году

по молотовскому призыву, был знаменитый призыв «Возвращайтесь! Мы вас всех любим». А он уже жил в то время в Стокгольме, был женат и стал известным мебельным мастером в Стокгольме. Ему заказывали мебель, он был богат. Родина призывает вернуться: «Мы вас любим». Он закрыл все свои лавочки мебельные, сел в поезд, доехал до Выборга, а дальше его прямо на Колыму и вернулся он в 1956 году. И когда восстановили хутор Загорье, он стал директором. Они с братом Константином восстановили хутор, он вещь такой, знаете, свежее дерево золотое, всё красиво. И вот они сели, выпили и заспорили, и брат Константин сказал: «Видеть тебя не могу, больше не приеду никогда». И уехал в Красноярский край, прожил до 102 лет и умер.

Это просто, знаете, такие пассионарные люди, которых советская власть практически истребляла, не давала им возможности выразить себя. А так дай Бог, чтоб и сегодня Твардовских было много.

В XVIII веке многие русские военачальники кричали: «Русские, какой восторг!» Вот и я надеюсь, что когда-нибудь мы все вместе закричим: «Русские, какой восторг!» - несмотря ни на что.

С сообщением выступил житель посёлка Шапки, ученик 10 класса Нурменской школы:

Е.А.Варфоломеев

Наши земляки воины, погибшие в Отечественную войну 1812 года

Каждый из нас хотя бы один раз в жизни задумывался кто его предки? Откуда они? Чем занимались? Кто-то, подумав над этим вскоре забудет, а кто-то навеянный этой идеей «бросается» на поиски предков забираясь все глубже в дебри истории... Вот с таким настроением пару лет назад я начал изучать историю своей семьи.

Так мои исследования привели меня к Отечественной войне 1812 года. Война 1812 года стала толчком к духовному подъему русского народа. Люди всех слоев населения стремились помочь в борьбе с захватчиком: собирали деньги на снаряжение для армии, создавали партизанские отряды, организовывали народные ополчения. И вот в 1812 году началось формирование Петербургского ополчения.

В Шлиссельбургском уезде этим занимался владелец имения Шапки Александр Яковлевич Дубянский, собравший под своим руководством более восьмисот человек, зачастую являвшимися обычными крестьянами. Под командованием Александра Яковлевича ополченцы участвовали в сражениях при Полоцке, Смоленах, Чашниках, форсировали Березину, где отличились при преследовании врага. Среди ополченцев оказались жители Шапок и окрестных деревень. Одним из них являлся мой прапрапра-прадед Павел Петров из деревни Белоголово, он был уже в почтенном по тем временам возрасте и, к

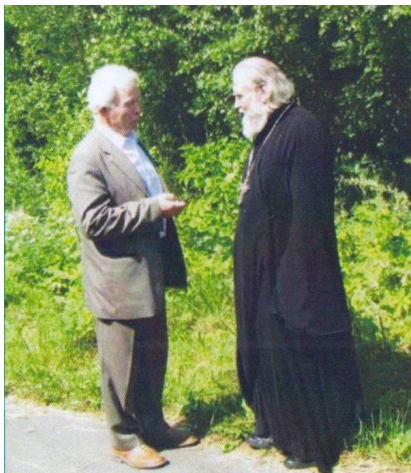
моему сожалению, погиб в самом начале войны. Мне мало, что известно об этом человеке, только информация из метрик. Печально, но рано или поздно каждый будет забыт...

Отечественная война 1812 года это яркий пример единения всей нации, военного и культурного подвига, который был совершён не только в высоких кулуарах власти, но и простыми людьми, отдавшими за это свои жизни, среди которых были и наши односельчане, но нам известны только их имена:

- Клементий Никитин, убитый под Полоцком
- Илья Безносков, умерший в госпитале в Чашниках
- Никита Павлов, убитый при форсировании Березины
- Павел Петров
- Юрей Юганов, убитый под Полоцком

Из тех, кто ушел на эту войну, вернулись немногие.

Моя семья живет на этих землях более двухсот лет. Мои предки отдавали жизнь за эти земли, за свою веру, за свои убеждения. Наверное, это то, что позволяет мне гордиться своей семьей и нашими маленькими, но богатыми своей историей Шапками.

Слева: депутат ЗАКС Юрий Соколов и протоиерей Николай Аксёнов

Справа: интервью с протоиереем Вадимом Онопченко

Перед началом Балашевских чтений

Заведующая Шапкинской сельской библиотеки Ольга Николаевна Малюшкина у выставки краеведческих материалов

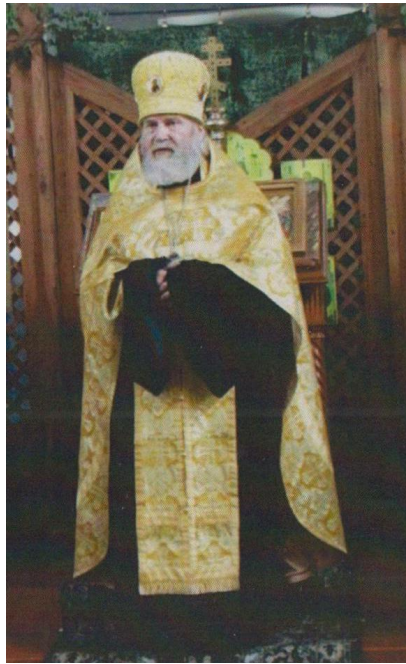

Перед началом Балашевских чтений

**Перед началом Балашевских чтений.
Слева: журналист Александр Ратников и ведущий чтений
Кирилл Александров
Справа : зам. директора Тосненской Центральной детской
библиотеки Светлана Павлюченкова и юные слушатели
Балашевских чтений**

Благочинный Тосненского округа протоиерей Николай Аксёнов обратился к участникам и слушателям вторых Балашевских чтений

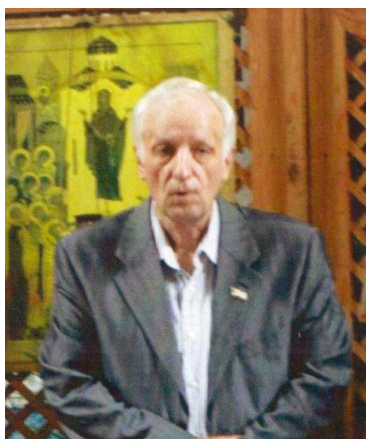
Панихида по землякам воинам Отечественной войны 1812 года

**Панихида по землякам воинам Отечественной войны 1812
года**

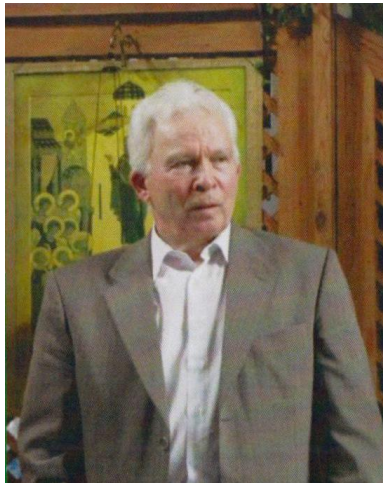
Вторые Балашевские чтения открыл к.и.н.Александров К.М.

С приветствием к участникам вторых Балашевских чтений обратился Глава администрации Шапкинского сельского поселения Василий Иванович Соколов

Слушатели и участники вторых Балашевских чтений

Выступает депутата ЗАКС Ленинградской области Ю.В Соколов

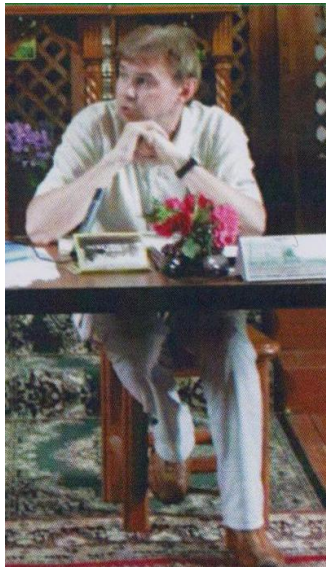

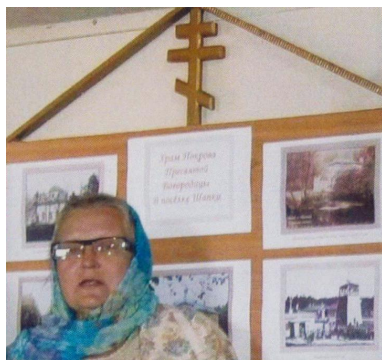
Выступает к.и.н. Рогозный П.Г.

Выступает д.ф.н. С.В. Шешунова

Выступает д.и.н. С.Л.Фирсов

Выступает краевед Т.Ф.Киселева

Выступление к.и.н. К.М.Александрова

Выступление тележурналиста, режиссера-кинодокументалиста В.С.Правдюка

**Выступает Е.А.Варфоломеев - учащийся 10 класса
Нурменской школы им. генерал-майора В.А.Вержбицкого**

Участники Балашевских чтений

Слева направо:

**А.Ю.Скрыдлов, С.В. Шешунова, В.С.Правдюк,
Е.А.Варфоломеев, П.Г.Рогозный, К.М.Александров,
Т.Ф.Киселева, С.Л.Фирсов.**

Краткие сведения об организаторах и участниках «Балашевских чтений»

**Благотворительный фонд «Беловодье» и
Тосненское отделение Ленинградской областной
общественной организации социальных программ
«Центр женских инициатив»**

**Информационная поддержка радиостанция Санкт-
Петербургской метрополии Московского
патриархата «Град Петров».**

Аксёнов Николай Иванович, протоиерей –
настоятель храма Николая Чудотворца в посёлке
Саблино, благочинный Тосненского округа Гатчинской
епархии.

Александров Кирилл Михайлович - куратор и
ведущий «Балашевских чтений», Старший научный
сотрудник Энциклопедического отдела института
филологических исследований СПбГУ, докторант СПб
института Российской истории РАН, кандидат
исторических наук.

Варфоломеев Егор Алексеевич – ученик 10 класса
Муниципального казенного образовательного
учреждения «Нурменская средняя
общеобразовательная школа имени генерал-майора
В.А.Вержбицкого» Тосненского района Ленинградской
области

Киселева Татьяна Федоровна - Секретарь организационного комитета «Балашевских чтений», краевед, автор краеведческих книг о поселке Шапки и его окрестностях и краеведческого очерка «Генерал Балашов Александр Дмитриевич».

Малюшкина Ольга Николаевна - Член организационного комитета «Балашевских чтений», депутат Шапкинское сельского поселения, Заведующая Шапкинской сельской библиотекой.

Онопченко Вадим Валерьевич, протоиерей - настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы в поселке Шапки. Руководитель организационного комитета «Балашевских чтений».

Правдюк Виктор Сергеевич – режиссер документального кино и телепрограмм, журналист, историк, публицист.

Рогозный Павел Геннадьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник СПб института Российской истории РАН.

Соколов Василий Иванович – глава Шапкинское сельского поселения

Соколов Юрий Васильевич – Депутат Законодательного собрания Ленинградской области.

Фирсов Сергей Львович - Доктор исторических наук, профессор Кафедры философии и религии и религиоведения Факультета философии и политологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Федоров Николай Васильевич - член
организационного комитета «Балашевских чтений»,
депутат Шапкинского сельского поселения,
Председатель совета ветеранов.

Шешунова Светлана Всеволодовна – доктор
филологических наук, профессор Международного
университета Дубна (Московская обл.).

Юценко Наталья Александровна - методический
руководитель организационного комитета
«Балашевских чтений», директор Тосненского
историко-краеведческого музея.

Составитель брошюры Т.Киселёва

**Использованы фотографии Т.Киселевой,
М.Лобановой М.Мурашовой, Т. Слепневой,
часть текстов печатается на основе
аудиозаписей журналиста «Радио Град
Петров» А.Ратникова.**

*Старинный храм Покрова Пресвятой Богородицы
в селе Покровском (Шапки)*

*Действующий храм Покрова Пресвятой Богородицы
в поселке Шапки*